

... И помню, какой славный бой был!
Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко...

Михаил Булгаков, «Бег»

ЧАСТЬ II

ЕБН. Пятая «победа»

Вообще-то он всегда врал. Политику положено вратить, но умеренно; ЕБН использовал ложь и лицемерие сверх предела умеренности.

У Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» – а писатель хорошо понимал, о чём рассказывает; сам как-никак много времени провёл на чиновничьем поприще, в том числе служил рязанским и тверским вице-губернатором – есть персонаж, градоначальник Брудастый с головой-органчиком, источавшей фразы: «Не потерплю» и «Разорю». У ЕБН тоже были фирменные фразы: «Снять» и «В отставку». Получив должность первого секретаря Московского горкома партии, он в кратчайшие сроки снял больше половины первых секретарей райкомов партии и целый ряд работников горкома.

За что? За плохую уборку территории, за недоделки в строительстве и даже за недочёты в организации плодоовощной торговли. А что, это дело партии? ЕБН считал, что «да», и конкретизировал вопрос: это первейшая обязанность и ответственность конкретного партийного руководителя. ЕБН страшно возмутился бы, если бы его назвали последователем И.В. Сталина. Но на деле так и выходило. Вот что писал в своё время Иосиф Виссарионович в «Политотчёте ЦК XVII съезду ВКП (б)» в 1934-м году:

«... роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих и только на нас».

ЕБН такую позицию, видимо, разделял. Начатая им в советский период череда «снятий» продолжилась в новой России: что там первые секретари райкомов – премьер-министры правительства слетали один за другим.

Вопреки «объективным условиям», используя своё влияние первого секретаря МГК и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, он «нагибал» республики и области СССР, чтобы те привозили в Москву свою продукцию и устраивал «потёмкинские деревни» в виде воскресных продовольственных ярмарок. Продукция из регионов приезжала, а организаторы торговли и продавцы говорили в кулуарах: у нас на местах жрать нечего, а мы товар в Москву везём...

ЕБН поддерживал искусственно создаваемые тогда общества борьбы за трезвость. Грозился «сагитировать» тех столичных партбоссов, которые в сие бутафорское общество пока не вступили. А сам-то выпивал, и немало, при этом в очередях за низкокачественной бормотухой не давился. Когда один из снятых с должностей первых секретарей выбросился из окна и разбился насмерть, он послал соглядатаев на поминки: посмотреть, как там поминающие внедряют трезвый образ жизни.

ЕБН любил долго выступать перед народом. Вспомним его знаменитое, образца 1986-го года выступление в Доме политпросвета на Трубной площади. Он говорил тогда:

– Надо носить отечественное! Посмотрите на мои ботинки – они советские. Посмотрите на мой костюм – он советский.

При этом обувь и одежду он носил либо импортные, либо произведённые в специальной пошивочной ЦК КПСС на Кутузовском проспекте – заведении без вывески, куда вход не только средним гражданам, но и средним руководителям был закрыт.

На той же встрече в Доме политпроса на вопрос, почему резко подорожала копчёная колбаса, ЕБН ответил:

– Во-первых, это касается отдельных сортов сырокопчёной колбасы, причём, лишь той, что продаётся в кооперативных магазинах. Но и эта, и вся остальная колбаса, которая есть в *обычных* магазинах, не по-до-ро-жала!

Это тоже было ложью.

ЕБН истово боролся с привилегиями партийных и государственных чиновников. Он заявил, что открепляется от спецполиклиники и отказывается от спецтранспорта. И поехал на *обычном* троллейбусе вставать на учёт в *обычную* поликлинику. Это правда, но с одной поправкой: на *обычном* троллейбусе он ездил один раз и в *обычную* поликлинику ходил столько же.

Потом он потерпел поражение в партийной игре, каялся за политические ошибки, но лишился высоких постов в КПСС и стал всего-то-навсего *простым министром* – заместителем председателя Госстроя СССР. Шутите, что ли: не царское это дело – работать *простым министром*!

Проигрыша ЕБН никому из победивших участников игры не простил, а Михаила Горбачёва так просто возненавидел. И совсем скоро стал ковать победы над бывшими друзьями и коллегами.

Первыми крупными победами стали трудное попадание в состав Верховного совета СССР, а затем избрание председателем ВС РСФСР. Вторая победа – избрание президентом Российской Федерации Социалистической Республики. Слава Богу, бескровные победы.

Третья победа – в августе 1991-го – могла стать и кровавой, если бы по защитникам Дома Советов России (Белого дома) с их доморощеными заграждениями, арматурой, булыжниками и парой десятков автоматов военные открыли огонь. Но такого приказа никто не отдавал, и родилась легенда о том, что армию и милицию победил народ под мудрым руководством ЕБН.

Четвёртая победа – это когда спустя три с небольшим года *других*, а частично *тех же* защитников *того же Дома*, тоже вооружённых нескользкими десятками автоматов, а также участников марша в телецентр «Останкино», расстреляли: одних – из автоматического оружия, других – из танков, по приказу ЕБН.

Вкусив четыре «триумфальных» победы, ЕБН не сомневался в успехе пятой. Субъектом победы предстояло стать непокорной Чечне (в 1992-м Чечено-Ингушетия разделилась на Чеченскую и Ингушскую республики; затем оппозиционеры добавили к Чеченской республике слово Ичкерия), которая требовала признания независимости и особых полномочий. Справедливости ради нужно сказать, что центр во главе с ЕБН поначалу хотел уладить конфликт мирным путём и даже подготовил в этих целях проект специального договора с Чечнёй-Ичкерией.

Меж тем разгорался «парад суверенитетов», независимости, и особых полномочий хотели многие субъекты новой России, вкладывая в понятие «независимость» порой разные смыслы. Дальше всех здесь продвинулся Татарстан.

Ещё в августе 1990-го Верховный Совет Татарской АССР принял Декларацию о государственном

суверенитета автономной Республики. В Декларации не указывалось напрямую нахождение Татарстана ни в составе РСФСР, ни в СССР, и было объявлено, что Конституция и законы Татарской ССР обладают верховенством на всей территории Татарстана.

В феврале 1992-го года Татарская ССР переименована в Республику Татарстан, в марте этого же года прошёл референдум о статусе Республики. На вопрос: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?», – ответили положительно 61.4% голосовавших.

В ноябре 1992-го года вводится в действие новая Конституция Республики Татарстан, объявляющая его суверенным государством. Да, через десять лет была принята новая редакция республиканской Конституции, из которой положение о суверенитете изъяли, но в начале 90-х всё прописывалось именно так.

В результате переговоров между Москвой и Казанью в 1994-м году подписан «Договор о разграничении полномочий между Татарстаном и Россией», который до сих пор является базовым документом во взаимоотношениях двух сторон. В соответствии с ним Республика получала огромные, самые широкие среди других национальных образований в России полномочия, при этом выторговывала для себя наиболее благоприятные условия в рамках системы бюджетного федерализма.

В Татарстане по существу реализовался сценарий, подготовленный для Чечни, провозгласившей себя «суверенной Ичкерией». И центр подумал: хватит «слюней», надо переходить к более жёстким действиям! Татарстан – большая Республика, а Чечня маленькая, с гулькин нос. Органчик внутри ЕБНовского мозга вскричал: «Не потерплю второго Татарстана!» Тем более, что прозвучал много-кратно растиражированный впоследствии голос славного генерала армии и Героя Советского Союза по прозвищу «Паша-мерседес»: «Одним парашютно-десантным полком можно в течение двух часов решить все вопросы» (имелся в виду захват Грозного – авт.)

Стали постепенно готовить блицкриг. Однако находились и в то время люди, понимающие, что военным путём чеченскую проблему решать не следует, что есть показательный исторический и негативный опыт военных решений на Кавказе. Дело не в словах «независимость» и «суверенитет», а в Договоре, который их подкрепляет. Как ни банально звучит, но любой договор предполагает необходимость договариваться. Договариваться хотели и сами чеченцы.

* * *

Так получилось, что в процессе достижения невоенных решений по Чечне оказался втянутым и я. Процесс предполагал выполнение такой задачи, как устранение угрозы ввода федеральных войск в Республику. Мы занимались этой задачей и в Москве, и в Грозном. Чеченские лидеры, чьи имена хорошо известны, легально и беспрепятственно посещали Москву, вели себя вполне внятно, общались с журналистами и экспертами, прислушивались к нашим рекомендациям.

Кто? Да ради Бога! Упомяну лишь тех, кого знаю. Зелимхан Яндарбиев, писатель и поэт, вице-президент Ичкерии, убитый в Катаре в 2004-м; «чеченский Геббелс» – информационный министр Мовлади Удулов, в одиночку игравший против армии российских журналистов, и не они одни.

Удалось оттянуть трагедию на два с лишним года: войска вошли в Чечню в декабре 1994-го – январе 1995-го, а намерения сделать это проявлялись ещё в 1992-93-м годах...

В октябре 92-го мы загрузили самолёт федеральными журналистами и вылетели во Владикавказ. Там сели в автобусы, автомобили и направились в Грозный. По дороге остановились в тогдашней столице Ингушетии Назрани и зашли на рынок купить продуктов. Назрань тогда представляла собой нечто вроде большой деревни с деревенскими же рынками. На рынках продавалось и оружие: пистолеты лежали прямо на прилавках, чуть прикрытие тряпьём. Кто-то из журналистов весело спросил:

- А пулемёт продадите?
- Пожалуйста, дорогой. – И продавец достал зачехлённый РПК (ручной пулемёт Калашникова – авт.).
- Он исправен?
- Зачем обижашь? Пошли!

Продавец повёл журналиста между сарайями, остановился возле кирпичной стенки, отошёл от неё

метров на двадцать и дал очередь...

В Грозном нас разместили в бывшем пансионате. Столы с едой и выпивкой накрывали регулярно и обильно, а хозяева приговаривали:

- Ешьте-пейте, сколько хотите, но про работу не забывайте.
- Какая работа требуется?
- Надо правду писать! Идите, езжайте, куда хотите, провожатых дадим, транспорт дадим – только правду пишите и снимайте.

– Какую правду?

– А вот что своими глазами увидите – то и правда.

Хозяева не обманули. Любая «заявка» на встречи с интересующими нас людьми, посещение тех или иных объектов или территорий выполнялась незамедлительно, без всяких условий со стороны чеченцев.

Например, когда мы захотели увидеть депутатов чеченского парламента, весь парламент во главе с председателем Хусейном Ахмадовым был немедленно собран.

Грозный представлял собой не слишком красивое зрелище. Давно не видевшие ремонта некрашеные «хрущёвки», раздолбанные дороги с лужами. Среди этого «великолепия» порой возникал новый трёх-четырёх-пятиэтажный частный особняк со столь же новыми и шикарным забором, фасадом и внутренней начинкой.

Водители, с которыми мы ездили, увидев нищего (он не протягивал руку, а просто сидел возле дороги), обязательно останавливались и подавали.

Ни до, ни после военных действий в Чечне не существовало детских домов – всех бесприютных детей разбирали в семьи...

Материалов мы собрали много. Они без проблем выдавались в эфир федеральных телеканалов и ложились на страницы центральных газет.

Так было в 92-м, 93-м, 94-м. Что случилось в 95-м и потом – описано подробно в огромном количестве источников, поэтому касаться этого здесь не буду совсем.

Пятая «победа» ЕБН состоялась и далеко превзошла по числу трупов, русских и чеченских, все его предыдущие «победы». Цифры звучат разные, я приведу только данные Госсовета Чечни, опубликованные в наши дни. Из них следует, что в период с 1991-го по 2005-й годы в Чечне погибло почти сто шестьдесят тысяч человек – в эту цифру включены и боевики, и мирное население, и российские солдаты. Вот как откликнулся на чеченские войны Александр Городницкий:

Дым от разрывов расходится в небе морозном.

Сраму не имут лишь те, кого нету в живых.

Вечная память солдатам, убитым под Грозным,

Вечный позор генералам, подставившим их...

Джохар. Чеченская правда

Октябрьской ночью к зданию санаторской столовой подкатил стального цвета легковой автомобиль. Из машины вышел подтянутый человек в модном двубортном костюме и белой в полоску рубашке с галстуком. Снял с головы и положил на сиденье шляпу, вынул из кармана чёрные четки. В период после Великой Отечественной войны он стал первым чеченцем, получившим генеральское звание. В Ичкерии стал обладателем звания «генералиссимус». У него ордена Красного Знамени и Красной Звезды, русская жена Алла, трое детей, девять братьев и сестёр.

– Вы хотите поговорить? Что ж, я готов, до четырёх утра у меня свободное время.

– Джохар Мусаевич, с некоторых пор Вы перестали заявлять о газавате – священной войне. Означает ли это, что сегодня приоритеты Вашей политики смещаются с военных на экономические?

– Да, это так, хотя нас постоянно толкают на другой путь. Каждый день провокации, терроризм, вооруженные вторжения. Сплошной кошмар.

Нас провоцировали через Ингушетию, Грузию, Осетию, Дагестан, Абхазию. А всё вышло наоборот: везде пожары, а нам удалось не только приостановить братскую кровь внутри республики, но и для других стать гарантом правового перехода к нормальным человеческим отношениям.

– Ваше государство пока официально не признано...

– А что такое формальное признание? Ну, признали Грузию, Армению, Азербайджан, прибалтийские республики, а люди там продолжают гибнуть. Раз признали – защитите от войн! Какое там... Перешли уже к химическому оружию, недалеко и до ядерного... Мы щадим государства бывшего СССР, которые готовы нас признать. Ведь для них сразу возникает угроза: ах, вы признали Чечню?! Тогда мы признаем Нагорный Карабах. И пошло-поехало. Фактическое признание в мире у нас уже есть: подписаны договоры с десятками государств об экономическом и других видах сотрудничества.

– Давайте перейдём к экономическим вопросам. Вот в России ввели ваучеры, а у вас?

– Что такое ваучеры? Это разорение рядового гражданина. Десять тысяч в период гиперинфляции... куда вкладывать этот ваучер человеку, который сейчас хочет кушать хлебушек? Вложить в промышленность? Но она на 80 процентов нерентабельна. А где выгодно, там уже нет места. В итоге финансовые магнаты эти ваучеры закупят, даже переплатив, и положат спокойно в свои сейфы. Чтобы продолжить обладание тем, чем фактически уже обладают. Извиняюсь, но я своих граждан на обман вести не желаю. И не поведу. Мы по-другому решаем экономические вопросы. Например, ставим задачу нового экономического союза.

– С кем и на какой основе?

– Речь идет о создании собственного ОПЕКа, в котором нефтеносные районы, государства объединились бы не по религиозному, а по экономическому признаку. Если это произойдет, нормализуется и политическая ситуация в мире. Чем добывать оружие, разводить бандитизм, убивать мирных людей – лучше перекрыть нефтяной кран и сказать «стоп», заставить пушки замолчать. И тут мы не делимся на мусульман и немусульман. Все, у кого есть нефть, могут вступить с нами в контакт.

– И всё же вы строите исламское государство?

– Ислам – это Конституция плюс Коран, а закон – Шариат. В них заложены гуманные, человеколюбивые нравственные принципы. Мы к этому сегодня не готовы. Я бы и рад объявить исламское государство духовным и моральным. Но чтобы это государство имело реальную основу, нужно пройти многовековой путь. А мы имеем 75 лет бездуховной жизни. По Конституции у нас советское государство...

Сделаю лирическое отступление. Трагическое, как подметили задолго до меня, часто соседствует с комическим. Очевидцы рассказывали, что, когда генерала Джохара привезли из Прибалтики, чтобы возглавить желаемый процесс приобретения Республикой независимости, он смотрелся совсем позабывшим про исламские ценности; предстояло наверстать упущенное. Генерал пришел в мечеть, увидел и услышал, как люди говорят «Аллах акбар» и спросил:

– Когда нужно так говорить?

– Когда мулла произнесёт определённую фразу, и все затихнут, надо подождать десять секунд и затем присоединиться: «Аллах акбар!» – посоветовали знающие люди.

Джохар услышал фразу, застыл в раздумье, а потом громко сказал: «Дес-сять!»

– В своё время Вы выступали за общее финансово-экономическое пространство с Россией. Какова Ваша сегодняшняя позиция?

– Она остаётся прежней. Не из трусости, а по необходимости. О полном отторжении говорят тогда, когда хотят вбить клин между Чечнёй и Россией. Нет! Более того: я сам выступал с предложением сохранить войска на территории Чечни, осуществить дополнительный призыв, укрепить оборонную систему. А экономические связи, сложившиеся за 75 лет, и подавно нуждаются в дальнейшем укреплении, а не в разрушении. Мы никогда не исключали из этих связей ни Ставрополье, ни Краснодарский край, ни Астраханскую, Ростовскую, Волгоградскую области. В течение месяца после прихода к власти мы заключили с ними соответствующие соглашения. Они и сейчас действуют, но Россия, к сожалению, не даёт им развиваться.

– Как чувствует себя русское население внутри Чеченской республики?

– Хуже чеченского. У чеченцев традиционные связи с деревней, другими городами и странами. У русских же, как правило, только городская квартира и фиксированный заработок. Сейчас наши банковские счета Россией закрыты. Не поступает ни рубля денег, нужных для выплаты пенсий старикам, ветеранам войны. И, тем не менее, русское население защищено здесь как нигде. За жизнь русских будут отвечать наши сыны, что они и делали до сегодняшнего дня.

– Одна из газет опубликовала недавно пророчество астролога Глобы о том, что прискакет всадник с севера и свергнет Джохара. Как Вы к этому относитесь?

– Это пророчество – пропаганда будущего провокационного акта и прямой призыв к нему. Прискачет с севера... Кто? Естественно, брат-славянин со своим оружием. И долой Джохара! Это подготовка общественного мнения против нас. Но таких пророчеств у Глобы было много. Достаточно для того, чтобы поднять пророка на смех.

– Существуют ли шансы на установление благоприятных отношений между Чечнёй и Россией?

– В России идёт борьба за власть. Какие силы в ней победят: ВПК, который цепляется за имя президента Ельцина; группа Руцкого или бывшие коммунисты в Верховном Совете? Куда потащит эта волна? Я уверен: если бы реформаторская программа Горбачёва состоялась, никто бы ни из России, ни из СССР не вышел. В той программе была заложена основа, позволяющая отказаться от тотализма, партийного фундаментализма и перейти к новым свободным отношениям. Я и сейчас поддерживаю восстановление такого союза. Это, прежде всего, в интересах самой России. Союз нужен, если мы хотим сохранить себя вообще. Но союз, который навязывается экономическими санкциями и танками на проспектах? Такой союз – гибель. Надо выбирать между угрозами с одной стороны, равноправием и доверием – с другой. Мы своё слово сказали, теперь выбор за Россией. А первым шагом к нормальной жизни должно стать снятие блокады.

* * *

Так где же правда, в чем она заключается? В 1992–1995-х годах я написал десятки экспертных записок, адресованных и чеченской стороне, и, разумеется, российским властям; статей в газетах и журналах. Всё это позже было синтезировано в отдельном параграфе моей докторской диссертации, который назывался «Применение политико-конфликтологических экспертных методик в ходе деятельности по урегулированию российско-чеченского конфликта».

Стоит ли пересказывать? Здесь – вряд ли. Резюмирую очень кратко: условия для урегулирования были. Ввод войск в 1995-м году, вызвавший многолетнюю войну, – непростительная ошибка, после которой экспертизы и статьи потеряли смысл. Теперь оставалось долго и тупо вкладывать деньги в Чечню, чтобы восстанавливать разрушенное жильё, предприятия и учебные заведения, создавать рабочие места. И придумывать схемы, чтобы выделенные федеральные средства не разворовывались еще в «полёте». Деньги-то из нашего с вами кармана, откуда ж ещё? Вот и вся правда.

Звиад. Кто породил тебя, чекист?!

Но вернёмся в осень 1992-го. Какой сгусток конфликтов закручивался в Грозном, Чечне и Ингушетии в целом! Но что интересно: было немало способов и фигур, способных его отрегулировать в позитивную сторону. Остановлюсь лишь на двух персонах. Первая – Руслан Аушев. Много раз встречаясь с ним в 90-е, я всегда удивлялся способности Руслана упорно, порой в невыносимо сложных условиях искать мирный путь решения проблемы.

Ну, смотрите: Чечня находится в конфронтации с Россией. После событий декабря 1994-го – января 95-го Чечня – враг России. Ингушетия – субъект Российской Федерации и по определению друг России. А кто такие Чечня с Ингушетией по отношению друг к другу в таком случае? Враги? В представлении Аушева – такие же братья-вайнахи, как и раньше. Аушеву удается предотвратить военные действия на территории Ингушетии, он не ссорится и не воюет ни с «нашими», ни с «ненашими» чеченцами. Руслан повторяет на всех площадках:

– Гибель людей только усиливает ярость у обеих сторон конфликта.

– Военные не могут решить свою задачу только силой, без учёта мнения чеченского народа.

– Я пытаюсь оказать помощь в диалоге сторон и не оставлю этих усилий.

Когда в период президентства в Чечне Аслана Масхадова мы затеяли пресс-тур федеральных журналистов в Ингушетию, Аушеву задали вопрос: «А можно ли организовать встречу журналистов с Масхадовым?». Аушев связался с опальным и оппозиционным Масхадовым, и такая встреча состоялась.

Руслан понимал: поставив на человеке однозначное клеймо «враг», ты только усилишь его агрессивность по отношению к себе самому.

Отсюда понятны и хорошо известны переговоры Аушева с боевиками в Беслане, которые увенчались результатом – освобождением части заложников. Вспомню ещё один эпизод, теперь из осени 1993-го. Белый дом расстрелян, вице-президент России Александр Руцкой в тюрьме.

Спрашиваю Руслана: «А как Вы относитесь к Руцкому?»

Ответ: «Руцкой... Мы братья по Афгану. Лихой лётчик, был командиром полка, воевал зло и грамотно. Если он на своём штурмовике прикрывал – всё в порядке. Говоришь ему: как же так, ты тут бомбишь, а сзади тебя огонь ведут. А он: погоди, сейчас мы им покажем! Теперь он вице-президент, переживаю за него, особенно когда горячится. Нельзя, он политик. Для нас большая гордость, что наш «афганец», военный лётчик стал вице-президентом...»

Вот такой человек был. Вот такой человек есть. К которому не страшно спиной повернуться...

Теперь о второй персоне, давно и прочно позабытой. Тем любопытнее эпизод, о котором расскажу дальше. Вдруг (именно вдруг и никак иначе) узналось, что холодной осенью 1992-го в Грозном жил человек по имени Звиад. В помпезном когда-то доме из красного кирпича за высоким забором. Позвонили. Открылась калитка, появился лузгающий семечки джигит в тапочках и с автоматом: джигит тянул автомат за ремень по земле, как собачку.

– Нельзя ли сфотографировать резиденцию?

– Нет, нельзя.

– А встретиться с господином Звиадом?

– Давай документ, пойду спрошу.

Вскоре мы пересекаем большой двор, где гуляют какие-то зоопарковые парнокопытные (антилопы, косули?) и стоит старорежимная «Чайка» с выбитыми фарами. В вестибюле второй охранник обыскивает нас и просит подождать. Через несколько минут поднимаемся по лестнице в кабинет Звиада. Средних размеров комната с обычной рабочей мебелью. Видеодвойка, ксерокс. На столе – газеты, рукописи и толстая биография Джорджа Буша-старшего на английском языке.

– Я согласен на интервью, но сначала напишите мне заявление, что не будете искажать сказанное.

Звиад кладет передо мной ручку и лист бумаги. Дивясь необычному ультиматуму, принимаю условие.

– И еще одно: обязуетесь ли Вы называть меня в печати «господин президент»?

– Я обязуюсь называть Вас Звиадом Константиновичем, вряд ли это будет неправильно. К тому же в вашей стране прошли выборы...

– Никаких выборов не было! Это очередная дезинформация, которую распространяет ваша пресса. Во-первых, выборы незаконны и неконституционны. Когда баллотируется один человек и получает 95 % голосов – какие же это выборы?! В столице моей Страны на несколько показательных участков согнали людей угрозами. А в большинстве районов, если кто-то не приходил, то приводили людей насильно и устраивали фактически открытое голосование: под автоматами заставляли обвести карандашом фамилию Эдуарда. У меня есть сотни и тысячи доказательств того, что никаких выборов в Стране не было. Таким образом, легитимным президентом Страны до сего дня остаюсь я. В изгнании действуют и другие законные органы – правительство, парламент.

– Каков Ваш прогноз развития событий в Республике?

– Очень отрицательный. Власть захватила криминальная мафия, экономическая катастрофа всё больше углубляется. Уже по телевидению передают, что в столице Страны каждый день три-пять человек погибают от голода. Это неправда, погибает гораздо больше, по несколько десятков человек погибает. А в других городах ещё хуже, особенно в Абхазии, где происходит настоящий геноцид населения. Права абхазцев надо больше уважать...

– Больше, чем Вы когда-то уважали права южных осетин?

– Права южных осетин мы тоже уважали, но они захотели гораздо больше того, что им полагалось. Они захотели независимой республики на нашей территории. Но это не вариант Чечни и Кабарды, которые никогда не были Россией, а вошли в её состав только после XVI века. Да, в Абхазии всегда жил абхазский народ. Но он является национальным меньшинством, и его права надо уважать, как права национального меньшинства, которое не имеет права отколоть эту территорию от Страны и объявить её независимым государством.

– Звиад Константинович, как Вы относитесь к процессам в Чечне?

– Каждая нация имеет право на самоопределение. Невозможно заставить народ силой присоединиться к какому-либо государству. Поэтому ничего страшного нет в том, что Чечня объявила о независимости. В лице свободной Чечни Россия приобретает союзника, друга и самое надёжное государство. Время колониализма прошло, повернуть его вспять – безнадёжное дело. А в принципе я очень осведомлён о ситуации в Чечне, живу в затворничестве, в изоляции.

– Возвращаюсь к событиям в Вашей Стране. Зачем, по-Вашему, Эдуард полез в это пекло, в президенты?

– В России началась кампания против Эдуарда, у многих открылись глаза на его чёрные дела. Можно сказать, что он сбежал из России. Другого выхода у него не было, как у вас говорят, либо пан – либо пропал.

– А что скажете про Дудаева?

– Мы советуемся иногда с Дудаевым, но все решения он принимает сам, в соответствии с его положением. А положение тяжёлое. Россия, к сожалению, осуществляет блокаду Чеченской Республики. Это бесчеловечно и неправильно, здесь русского населения 30 процентов. Местные русские направляют письма Ельцину и говорят: оставьте нас в покое, нас никто не прогоняет. Это не то, что в Прибалтике, в Чечне русские во всём имеют равные права с чеченцами. Так что бессмысленно и бесчеловечно вести блокаду против Чечни.

– Звиад Константинович, я вот почитал издающуюся в Вашей Стране на русском языке газету «Под небом Страны» и увидел стихотворение «Тиран кровавый», посвященное Вашему оппоненту Эдуарду:

– Кто породил тебя? Чекист!
О, змей ползучий, зудный глист!
Звиад – законный Президент,
А ты с рождения – хитрый мент!..

– Вы считаете такие методы политической борьбы приемлемыми?

– Стихотворение похабное и глупое, я за это порицал редакцию. Но не могу же я контролировать каждый материал!

– Здесь, в Грозном, Вы живете в одиночестве?

– Нет, со мной супруга, двое детей.

– А кто финансирует президента в изгнании?

– Наш народ нас не отверг. Наш народ нам помогает и нас содержит...

И такой человек был. Такого человека больше нет. И памяти о нём не осталось. И спиной бы к нему я не повернулся.

Александр. Великолепная шестёрка

Оказавшись в «Сити» – будущем высотном квартале Москвы – я вспомнил про свою «конфликтологическую» диссертацию. Как не вспомнить, если обозначенные в ней технологии успешно работали на практике: социально-экономические конфликты вокруг Делового центра мы разруливали только так! И вообще выяснилось, что это направление деятельности – сверхмодное в мировом пространстве и называется crisis management и conflict resolution.

Начал потихоньку кропать «докторскую». Рассказал об этом сотрудникам Института молодёжи (сегодня Московский гуманитарный университет – авт.); вместе с ними мы проводили исследования настроений жителей кварталов, прилегающих к «Сити». В Институте недавно образовалась одна из первых в России кафедр конфликтологии, поэтому логично, что коллеги моей работой заинтересовались. Предложили прочесть для студентов и преподавателей курс кризис-менеджмента и даже написать учебник. Сказано – сделано: к концу лета был готов и отпечатан искомый труд. 200 страниц в мягкой обложке и скромном исполнении. Но я доволен: книжка-то, чёрт возьми, первая! И, воодушевлённый, продолжал корпеть над «диссером». Работал большей частью в офисе, оставался в нём вечерами и приезжал в выходные.

В воскресенье 3-го октября 1993-го года я доехал на метро до станции «Краснопресненская», но выход на улицу оказался закрыт. Я вернулся на «Киевскую», проехал до «Филей», а там вышел, сел в пригородную электричку и всего через одну остановку достиг станции «Тестовская». От неё до нашей гостиницы «Союз-2» минут семь ходьбы. В канторе находились только охранники, сотрудников нет. Я включил компьютер и полез в учёные тексты. На улице, не очень далеко, отчётливо слышалась автоматная стрельба. Вернувшись домой вечером, я, конечно, включил телевизор и слушал информацию о происходящем. Ну да, очередная заварушка, но их было много за прошедшие два года. Обойдётся.

4-го октября рано утром таким же образом снова попал в офис «Сити». Несмотря на понедельник, здесь опять никого не было, руководство объявило этот понедельник нерабочим днём: всё равно обычным порядком – на метро, автобусе, личном автомобиле до гостиницы не добраться по причине объявленного властями чрезвычайного положения, а мой «хитрый проход» никто не знал.

Автоматные очереди время от времени по-прежнему продолжались, а потом что-то гулко забухало. Через некоторое время пришёл охранник и спросил, не смотрю ли я телевизор. Я включил... да что телевизор, и простым глазом с Красногвардейского проезда было видно, как горит Белый дом, как выстрелы достигают его стен, как вылетают окна, как стелется дым от выстрелов и пожара, как здание постепенно чернеет.

На Калининском (позднее Новоарбатском) мосту стояли шесть танков и били прямой наводкой по Белому дому...

Обращусь к читателям вот с чем. Я тут пишу художественную повесть, а не документальную историческую хронику. Но даже в художественном видении стараюсь уйти от идеологических интерпретаций и опираться на сохранившиеся личные впечатления и безусловные факты, которые вряд ли кто возьмётся оспорить.

Итак, происходящее на политологическом языке называлось кульминацией острейшего конституционного кризиса, развивавшегося с декабря 1992-го года. Кризис явился следствием противостояния двух политических сил: с одной стороны – Президента Российской Федерации Бориса Ельцина, правительства Виктора Черномырдина, части народных депутатов – сторонников Президента; а с другой стороны – противников социально-экономической политики Президента и правительства: вице-президента РФ Александра Руцкого и основной части народных депутатов во главе с Русланом Хасбулатовым.

В конце концов, 21-го сентября Борис Ельцин издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», которым предписывал Съезду народных депутатов и Верховному Совету Российской Федерации прекратить свою деятельность. Тем же Указом на 11–12-е декабря назначалось проведение выборов в Государственную Думу.

Немедленно, в тот же день Президиум Верховного Совета РФ принял постановление «О немедленном прекращении полномочий Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина», в котором постановил, что Указ № 1400 не подлежит исполнению и что на основании статьи 121-й Конституции следует считать полномочия Президента прекращёнными с момента подписания этого Указа, а вице-президент А. В. Руцкой должен приступить к исполнению полномочий Президента. Этим же постановлением 22 сентября созывалась внеочередная сессия Верховного Совета с повесткой дня «О государственном перевороте в Российской Федерации».

Нелишне вспомнить, что говорилось в 121-й статье: «Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно».

Состоялось экстренное заседание Конституционного суда РФ, который признал Указ и действия Президента Ельцина неконституционными и достаточными для отстранения его от должности. При этом, по словам председателя Суда Валерия Зорькина, решение об отстранении Президента должен принимать Съезд народных депутатов на основании решения Конституционного суда.

22-го сентября Зорькин провёл пресс-конференцию, где отметил, что он в основном разделяет оценку положения в стране, данную в преамбуле указа № 1400, и цели, которые ставит перед собой Президент Ельцин, однако считает неприемлемыми методы их достижения. Председатель Конституционного суда предложил следующий выход из создавшегося положения: Съезд народных депутатов принимает решение об одновременных досрочных выборах парламента и Президента, принимает закон о выборах и закон об органах власти на переходный период до принятия новой Конституции, после чего прекращает свою деятельность.

Как отнёсся к этому Борис Николаевич? Да просто: он позвонил Президенту США и имел с ним 17-минутный ночной разговор. Бил Клинтон был, вероятно, к разговору готов и заявил о полной поддержке Президента России, назвав его меры вынужденными в условиях конституционного кризиса...

От себя: так называемая «честная политика», «политика в интересах народа» – преимущественно

миф. Политика осуществляется в интересах политиков, в нашем случае одна сторона реализовывала её в интересах Президента России, другая – в интересах Верховного Совета. Но были, как говорится, нюансы.

Депутаты заперлись в Доме Советов и приняли меры к его защите. Депутаты двинулись к телеконту «Останкино» в надежде добиться выхода в эфир. Однако, подчеркну, ни в кого не стреляли.

Поддерживающие Президента и исполняющие его приказы военные вели себя иначе: 3–4-го октября, по данным Генпрокуратуры, в районе телецентра убито или впоследствии скончалось от ран не менее 46 человек. Телесные повреждения различной степени тяжести получило не менее 124 человек.

В ночь с 3-го на 4-е октября Ельцин принял решение о штурме Дома Советов.

В 4 часа 15 минут по распоряжению министра обороны РФ генерала армии Павла Грачёва командир Кантемировской дивизии генерал-майор Борис Поляков выдвинул в Москву роту танков в количестве десяти единиц.

В 9.30 расположенные на Калининском (Новоарбатском) мосту танки начали обстрел здания Верховного Совета. Всего в обстреле участвовало шесть танков Т-80, выпустивших двенадцать снарядов. Танки комплектовались экипажами офицеров-добровольцев, а командовал ими лично министр обороны десантник Павел Грачёв, получивший звание Героя Советского Союза за операции в Афганистане. Ситуацией в Доме Советов командовал другой генерал, Герой Советского Союза лётчик Александр Руцкой, удостоенный Золотой звезды также за Афган.

3–4-го октября 1993-го года по официальным данным погибло около 150 человек, получили ранения и увечья – около 400. Неофициально цифры зазвучивали значительно большие.

В ХХ веке Россия стала единственной европейской страной, где власти расстреляли собственный парламент.

Виноватых не выявлено: нападавшие на Белый Дом к ответственности не привлечены, командовавшие его защитой взяты под стражу, но вскоре амнистированы и отпущены.

Наука конфликтологии поскользнулась и упала.

Андрей. Анархист с фашистом пить не может

Где кучковались анархисты в «чёрном» октябре 93-го? Как писал тогда в «Общей газете» некий 17-летний корреспондент «Anarchy news» Цветков, «анархисты в виде панков, рокеров, фиолетовых и просто арбатских тусовщиков» строили баррикады вместе с другими защитниками Белого дома (БД). Но парень прав лишь в том смысле, что названные им категории действительно относят по традиции к анархистам. И ошибается в другом: «идейных» анархистов у БД не было. Ещё в первые дни заварухи они приняли решение не участвовать в событиях ни на чьей стороне.

А в конце сентября случилось следующее. Когда панки, мирно выпивавшие с боевиками Баркашова (русский националист, руководитель движения «Русское национальное единство» – авт.), подняли чёрное знамя, к ним для разъяснительной работы прибыли члены ИРЕАН – движения «Инициатива революционных анархистов».

– Уберите знамя, анархист с фашистом пить не может.

– А кто вы такие, чтобы команды анархам давать?

– Так завтра это по ящику покажут: свастику рядом с чёрным знаменем...

Знамя не убрали, ИРЕАНовцы ушли, но один, Платоненко, остался и совсем доконал боевиков антифашистской пропагандой. Те набросились на Владимира с кулаками. В явно неравной борьбе он пырнул фашиста ножом и был сдан баркашовцами в 111-е отделение милиции, где против Платоненко возбудили уголовное дело. А пострадавший боевик, выйдя на следующий день из больницы, вернулся к Белому дому...

Чисто для понимания. Ага, анархическое устройство недееспособно, так? А как же ООН, реально построенная по анархическому принципу – одно право «вето», и решение не состоялось? Недееспособна, но прекрасно существует? А как же Гуляйпольская республика батьки Махно, тоже неплохо жившая? Или эти прецеденты недостойны внимания?

Тогда о том, что достойно внимания, о совести, принципах и справедливости. Год назад судили анархиста Александра Щуся. Его речь на суде была настолько яркой и нестандартной, что я приведу её, с некоторыми сокращениями, от первого лица, а не в пересказе:

— …Неуважаемый суд, господа присяжные заседатели! Свою защиту я беру на себя. Вначале расскажу о происшедшем. Во время проведения нашей акции протеста какая-то сволочь распорядилась пресечь её самыми радикальными средствами, и на нас напустили спецкоманду ОМОНа. Один из этих горилл, шести футов ростом и весом под центнер, прихватил меня. Не оскорбляя себя раздумьем, он огрел меня резиновой палкой по уху и по спине. У юноши было гипертрофированное чувство всесилия и извращённое понятие о порядке и справедливости. Драться мне кулаками с таким бронированным истуканом, как видите по моей комплекции, всё равно как с Дзержинским на Шпалерной. Я на голову ниже, на 20-30 кг легче, курю и пью водку, люблю не махать дубинкой, а читать Кортасара и Пруста. Так что наш поединок был неравен с самого начала. Но я человек живой и никому не позволю меня безнаказанно пинать, будь то отдельный дебил или целое государство. Вот тут я и достал из кармана маленькую железную штучку, которую припас именно для таких случаев — угроз моей жизни и здоровью; а иначе, зачем она мне нужна? У вас в бумагах она проходит под именем пистолета Макарова. Когда фараон увидел направленный на него ствол, он, бедняга, подумал, что это газовый шпалер, и быстренько прикрыл голубенькие глазки, затаив дыхание. Я же нажал на спуск, и из ствола вылетела пуля — концентрация моей ярости, боли и стыда. Пуля знала своё дело тут: пробила кожицу на глазу, прошла легко и грациозно через роговицы и прочие глазные причиんだлы, оставив позади кровавую глазницу; размолотила в фарш половину мозга и на последнем дыхании вышибла затылочную кость и часть шлема. Вот таким образом обстояло дело. Когда я пытался объяснить всё это старишке-следователю — геммороидальной обезьяне — тот давай мне плести что-то про превышение пределов необходимой обороны. Но когда вас, господа, кусает комар, вы же не стараетесь его укусить в ответ, а мочите падлу со всей пролетарской ненавистью. Так что нечего пудрить людям мозги, когда можно бить хулигана кирпичом, а когда нет. Я знаю, вы вынесете обвинительный приговор, а это расстрел. Вы меня убьёте, но знайте: я вернусь снова к вам. Не думайте, что люди — скоты и быдло, которых можно безнаказанно гнать на бойню. Я только первая ласточка, создающая прецедент, как любят выражаться юристы. И когда будут мочить обнаглевших ментов и прочую властную шушеру, помните, что это я вас достаю с того света…

Александр. Намастэ

«При власти, при деньгах ли, при короне ли судьба людей швыряет, как котят», — так, помнится, пел Владимир Высоцкий. Так. Швыряет. От ЕБН, Джохара, Митьевов совсем в другое царство-государство-королевство.

Просто еду на слоне и думаю. Намастэ! Хай! В Королевстве Непал. Где есть король Бирендра, но реальную власть имеют коммунисты, которые что хотят, то и делают. Хотят — забастовку объявят, значит, все должны бастовать, и попробуй не побастуй. Если таксист не забастует, проколют шины, если владелец кафе не станет бастовать — побьют стёкла. По-простому, по-коммунистически. Хотят — дорогу для автомобилей перекроют, значит, топай пешком. А король что, он добрый, он терпит и ждёт, пока его вместе с супругой-королевой застрелит из автомата собственный сынок принц Дипендра. Намастэ! Хай!

Здесь вообще-то идёт гражданская война: многочисленные компартии борются с предполагаемыми в нищей стране жиরующими империалистами. На коммунистическом красном флаге вместо трёх привычных профилей значится четыре, последний из четвёрки — Мао Цзе Дун. Намастэ! Хай!

Но никому не придёт в голову хоть как-то тронуть белого человека, который везёт в страну деньги. Белый человек — русский, американец (может быть и чёрным), европеец, да и жёлтый кореец — пароль и гарантия безопасности. Бьют только своих.

Ах, да, про слона. Чтобы встретиться со слоном, нужно из Москвы прилететь в какой-нибудь аэропорт Объединённых арабских эмиратов, или Катара, или Китая, а затем пересесть на самолёт до Катманду. И там…

— Буйвола с прижатыми рогами,
Будто бы от страха или ветра,
На прощанье тонкими ты трогала руками,
И печали не было заметно.
Ты — обыкновенная царица,
Мне пора, как прежде, возвращаться,

Ну а что в душе у нас у каждого творится –
И проводникам не догадаться...

Это что, уже не 90-е? Почему же, вполне 90-е. Просто в непальских 90-х не знают о российских 90-х. В Королевстве слышали слова «Горбачёв» и «перестройка». В Королевстве знают, что Россия – большая и холодная страна. Пожалуй, всё. Ни о каких событиях и фамилиях, перечисленных выше, здесь не в курсе. Поэтому берите слона и езжайте в джунгли. Намастэ! Хай!

– И будет вспоминаться дорога,
Где тебе говорит любой:
«Я приветствую в тебе Бога,
повстречавшегося со мной!»

Намастэ – это и есть «Я приветствую в тебе Бога». А также «здравствуй», «до свидания», «привет», «плока», «доброе утро», «добрый вечер» и так далее.

Хай (hi) – это модифицированное от английского hello.

Все говорят друг другу при встрече «Намастэ» или «Хай».

Вот как получилось-то в декабре 1994-го, теперь не по Высоцкому, а по Митяеву:

– Ты увезешь мою ангину с собой,
Я это всё уже заранее знал,
Через туманы над тайгой голубой
В Непал, в Непал, в Непал.
И полуутёмный незнакомый подъезд,
И полусонный опустевший вокзал –
Ты всё запомнишь в этот зимний отъезд
В Непал, в Непал, в Непал.

Намастэ! Хай!

– В небе простится все, что отплачется,
И лайнера белый крест
Дали приблизит, и обозначится
Контуром Эверест,
В легкое платье сизого облака,
В теплого неба марь
Ты обернёшься, и позабудется,
Что здесь в Москве январь.
И к самолёту подадутся слоны,
И опахалами замашет Тибет,
И, как царица этой древней страны,
Ты не позволишь больше плакать себе.
И распрымив безукоризненный стан,
Ты поплыvёшь с невозмутимым лицом
И всё, что было, позабуду я сам,
Как сон, как сон, как сон...

Ну, не совсем к самолёту слонов подадут. Надо ещё километров сто проехать по дороге типа «совсем не хайвэй», что займёт часов восемь, и вот тогда уж точно увидишь слона, обитающего в национальном парке Читван. В парке нет гражданской войны, но есть нирвана. Домики а-ля хижина со всеми удобствами, пеньки а-ля пеньки вдоль дорожек с электрическими лампочками внутри, барбекю и национальные пляски по вечерам. Но вокруг – реальные джунгли (без а-ля), с птицами, обезьянами, парнокопытными и даже...

Намастэ! Хай! Слон, а точнее слониха, ещё ничего – 45 лет (а слоны живут до 100). Зовут Сантал Кали. Легко преодолевает склоны, русла ручьев, ломает ветки деревьев, прориаясь сквозь джунгли. Найти и увидеть со слона обезьяну или оленя (deer) – это не круто. Круто – когда тигра или носорога. Вот мы их и ищем. И думаем о возвращении в Россию. Я, конечно, отчасти знаю, что будет, когда вернусь на Родину в конце января. Сначала ничего не будет – в январе у нас никто не работает. В феврале начинают расписывать бюджеты и думать о проектах. В апреле люди начнут пахать. Может, революция какая? Вряд ли: вроде недавно была. Намастэ! Хай!

Надо успеть сделать побольше, потому что в мае опять наползут праздники на полмесяца. А там отпуска. И, наконец, ударная трудовая осень. Страна что надо!

Погонщик насторожился. Мы видим, как в кустах что-то шевелится. Из ямы поднимается огромная бронзовая туша. Она с неудовольствием смотрит на Сантал Кали и неторопливо идёт в сторону. А мы за ней. Не отрывая взгляда от торчащего рога, который прячется за травой, деревьями, а потом появляется вновь. Нашли!

Ночью в хижине горит керосиновая лампа. Электричество тоже есть, но его отключают, чтобы создать атмосферу экзотики. Уже клонит в сон, но лампу задувать не хочется – иначе уйдёт часть колорита. Я засыпаю и думаю, что надо приступать к поискам тигра. И обязательно проходить каждый день свои 90 с чем-то шагов, поскольку на дворе 90-е годы. Или сколько придется. 90 шагов не по ровному, а вверх.

Вообще-то слон – это финал. Раньше было совсем другое. Во второй половине ноября 94-го мы вылетели в Катманду, чтобы совершить первое в мире зимнее восхождение на семитысячную вершину Южная Аннапурна. Мы – это ветераны, мастера спорта СССР: Николай Чёрный (он даже больше мастера – заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР по альпинизму), Владимир Шатаев – бывший главный тренер сборной СССР по альпинизму, Володя Башкиров (мастер спорта международного класса) с женой Наташей и сорокалетняя «молодежь», перворазрядники-уфимцы: Валера Лобанков, Алик Минибаев, ну и я с ними.

Жили и собирались в дорогу в экзотическом Катманду, шли под маршрут с длинным караваном носильщиков, искали (уже без носильщиков) проходы в джунглях, потом джунгли сменились камнями и льдом, а лето – зимой.

Ставили базовые лагеря. Экзотической, но совсем неприятной неожиданностью стало то, что во время тренировочного выхода пришли волки и разграбили застёгнутую палатку с продовольствием, оставив нам только … чай: он волкам не понравился.

Пережидали непогоду, сутками лежа в палатках (было скучно, но хорошо думалось о вечном и высоком) и опять пробивались вперёд. Намастэ! Хай!

В третьем базовом лагере на высоте около пяти тысяч метров я попросил Валеру Лобанкова, он хорошо пел:

- Ну, спой что-нибудь визборовское.
- Ладно. И запел песню Юрия Визбора, альпинисты его любят:

– Не путай конец и кончину,
Рассветы, как прежде, трубят,
Кручиня твоя не причина,
А только ступень для тебя…

Рубились вверх ещё больше двух недель. Последнюю перед горой ночь мы назвали «варфоломеевской»: спать просто негде, можно как-то что-то пережидать, потому что ледяной склон, минус тридцать. Утро выдалось ясное, видимость хорошая, завоевали вершину.

Что такое альпинизм? Это не выборы устраивать и не акции продавать. Это нечто, не имеющее практического смысла. Это просто благородный и мужественный спорт, он же образ жизни. Раньше все понимали: когда в альплагере человек доходит хотя бы до второго разряда, с ним действительно в разведку не страшно идти – не подведёт. А международные и заслуженные мастера всегда считались богами, которыми любовались, брали пример, подражали…

В Катманду мы возвращались на крыше автобуса: в Непале так ездить считается нормальным; грязные, заросшие, обветренные, пропившие на спуске половину снаряжения. Лобанков, прихлёбывая кукри-ром, спросил непальцев – соседей по крыше:

- А вы слышали русские песни?

- Нет.

Валера запел громовым голосом охрипшим голосом, большой, худой, небритый:

– Славное море, священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, –
Молодцу плыть недалёчко…

Песня разносилась по ночному ущелью, и гималайская ночь уважительно внимала торжественно-протяжной, русской, берущей за душу мелодии.

Новый год встречали в самолёте:

– Твоё здоровье, Володя. Ты подарил нам гору...

Володя. Сколько стоит Эверест

Весной 1993-го я прилетел в Непал, чтобы попробовать взойти на Эверест – самую высокую вершину мира (8848 м). Стоимость пермита на группу составляла 10 тысяч долларов. Пермит – это только право на восхождение, за всё остальное (носильщики, еда, снаряжение) нужно платить дополнительно (через год стоимость пермита увеличилась до 50 тысяч долларов – авт.). Вскоре я понял, что дело наше почти безнадёжное.

Смотрите: мы заявились на маршрут по Западному гребню с перевала Лхо Ла – этот маршрут считается одним из лидеров по числу неудачных восхождений. Раньше маршрут проходился группой, где работало не менее 20 альпинистов и несколько десятков высотных носильщиков (портеров, шерпов). Там только верёвок нужно провесить 10 километров! А наших денег хватало лишь на то, чтобы довести караван до базового лагеря Эвереста (5300 м). К этому моменту с нами оставались офицер связи, проводник (сирдар) и два повара из местных. К тому же Володю Яночкина ударили камень по спине, и он временно выключился. Другие ребята испытывали разочарование. Но мы всё-таки вышли к перевалу и поняли, что таким составом Западный гребень не потянуть. А чтобы заявиться на другой маршрут, требовалось ещё 10 тысяч «зелёных».

И тут вмешался случай. Незадолго до нашего приезда организовывалось восхождение на Эверест первой непальской женщины – Пазанг Ламу. Интересная, видно, женщина: 33 года, мать троих детей, жена руководителя туристического агентства. Сопровождали Пазанг Ламу шесть шерпов. И она поднялась на вершину! Но... спуститься вниз уже не смогла и умерла вместе с одним из шерпов на Южной вершине (8700 м).

Само собой, Пазанг Ламу стала национальной героиней, шум раскатился по всему Непалу. А ещё она была буддисткой, и тело по традиции требовалось сжечь. Но для этого его нужно всего-навсего спустить с горы. Желающих поучаствовать в таком мероприятии не находилось. И тут, как обычно, вспомнили про русских мужиков, которые с помощью кувалды и какой-то матери... И предложили нам сделку: вы с помощью шерпов спускаете тело до Южного седла (8000 м), а мы даём вам возможность «на халяву» зайти на Эверест по классическому маршруту. Удалили по рукам и начали обрабатывать маршрут, ставить базовые лагеря.

Разумеется, если бы она не была национальной героиней, то осталась бы там навечно. На Южном седле, недалеко от нашей палатки, лежал труп 4-летней давности. Простой шерп – кому он нужен! Пройдёшь от стоянки, примерно, час по гребню, а там слева труп и справа труп. Их сколько угодно, и с каждым годом прибавляется.

Мы потихоньку продвигались вверх. 11-го мая в палатке на Южном седле сидели я, Петя Князев из Петербурга и Николай Чёрный. Разыгрался сильный ветер, его скорость достигала ста километров в час, о выходе наверх не могло быть и речи, а силы иссякали. Я говорю Чёрному:

– Коля, надо вниз, мы тут слабеем.

А он:

– Ты знаешь, с учётом возраста (54 года – авт.), для меня это последняя возможность. Если я уйду вниз, сил на вторую попытку у меня не хватит.

Он был по-своему прав, но я вспомнил своих пятилетних мальчишек-двойняшек и решил всё-таки двигать вниз. Когда мы прощались, Николай попросил, чтобы мы в случае чего не тратили силы на его поиски. Кто знает, тот понимает. И я сказал:

– Да, Коля, мы не будем тебя искать.

Но ёщё через день ветер стих. И в наиболее выигрышном положении оказался Володя Яночкин, который отсиживался в предпоследнем лагере на высоте 7200 м. Он зашёл на седло, взял кислородный баллон и 15-го мая один поднялся на вершину.

На следующий день готовился к восхождению и я. Встаю 16-го мая в два ночи, надеваю кислородный аппарат, а он не работает. Пытаюсь «продуть» прибор, но резиновая груша с сильнейшим

треском лопается. Ну и плевать! Думаю: буду идти до 12 дня. Сколько смогу, столько и пройду, хоть 100 метров.

Какие опасности таит в себе бескислородное восхождение? Стать mental vegetable – умственным овощем из-за необратимых изменений в мозгу. Я брёл один и никого не видел. Чувствовал себя совершенно истощённым, хотелось лечь. Но вспоминал о детях и продолжал двигаться: десять шагов за Серёжу, десять – за Андрюшу... К 11 дня поднялся на вершину. Когда к пяти вечера спустился к первой палатке, минут пятнадцать сидел неподвижно, потом снял кошки, бухнулся и отключился.

Да, а задачу со спуском Пазанг Ламу, мы, конечно, выполнили. Иначе «халявы» бы не получилось.

Сравнивая 90-е и прошлое время, когда государство финансировало подобные экспедиции и даже давало ордена за хорошие горы, я не испытываю ностальгии. Сейчас гораздо больше возможностей для самореализации. Знаешь, почему многим людям тяжело сегодня? Они привыкли, что их всегда вели и направляли. Я же долгие годы занимался первоходжениями и предпочитаю самостоятельность. Я сам могу сделать свою жизнь: при любом строе, и даже без орденов...

Александр. Красные фонари

Надо сказать, что в 90-е многие люди кардинально сменили профиль предыдущей деятельности. Например, работал человек инженером, а теперь начал продавать (чаще перепродавать) кроссовки, или белковую икру, или какие-нибудь «универсальные» чайники. Большинство этих людей быстренько прогорели, поскольку спекуляция сильно проигрывает конкуренции, а чтобы стать конкурентным, надо иметь и базис, и связи, и развитие.

Другие люди стремились совершенствовать то, чем занимались ранее, адаптируя предыдущие успехи и специализации под современные требования.

Но в принципе все занимались всем подряд. К числу таковых относился и я. В частности, пробуя себя и в пиаре, и в журналистике, я не забросил науку конфликтологии и пытался найти в ней аспекты, способные приносить заработок.

В то время слово «конфликтология» было малоизвестным и потому модным. Даже в Российской академии наук создали на общественных началах Центр конфликтологических исследований, который курировал вице-президент РАН, академик Владимир Николаевич Кудрявцев. «Штатный» центр конфликтологии работал в Институте социологии РАН, куда я и влился в качестве старшего научного сотрудника.

Мы проводили круглые столы, семинары, формировали и расширяли пул конфликтологов, писали книги. Я придумал проект «Российский социум: конфликтологическая экспертиза». Собирал экспертные оценки, синтезировал их, а далее рождал связный текст, который с удовольствием, на 1–2 больших полосах публиковали газеты: «Деловой мир», «Вечерняя Москва» и другие. Обычно в проводившейся каждые полгода экспертизе фигурировали три раздела: «Конфликты в социально-политической сфере», «Политико-экономические конфликты, связанные со становлением рыночных отношений», «Этнополитические конфликты».

Естественно, хотелось, чтобы всё это из области общественно-экспертной и образовательной деятельности (я тогда читал курс «Конфликтология» на социологическом факультете Московского государственного педагогического университета) перешло на коммерческие рельсы. И кое-какие заказы на локальные экспертизы стали поступать. Но в целом конфликтология, как аналитическая деятельность, приживалась трудно; я ломал голову, что с ней делать дальше, и вот тут-то произошла очередная встреча с далеко идущими последствиями.

Меня пригласили на один из семинаров-тренингов, который организовал Международный фонд политico-правовых исследований «Интерлигаль». Подобные фонды, перерабатывающие гранты зарубежных организаций (которые, понятное дело, часть грантовских сумм «пишли» под себя) тогда существовали в избытке.

Тренинг посвящался методам разрешения конфликтов, причем не теоретико-аналитическим, а процедурным, до которых я сам пока не добрался. На тренинге познакомился с президентом «Интерлигала» Ниной Беляевой, она предложила сотрудничество, и такое состоялось.

Сначала в форме собственной подготовки по американским программам «Ведение переговоров», «Фасилитация» и «Медиация», а потом в качестве профессионального тренера. В рамках действо-

вавшего тогда гранта организации «Partners for democratic change» («Партнёры за демократические перемены») мы с Ниной и Наташей Миримановой обучали данным методикам преподавателей, представителей общественных объединений в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске и Краснодаре, совершенствовались и накопили серьёзный авторский опыт.

Что это за методики? Фасилитация представляет собой процесс, где специалист, устраивающий всех членов некоторой группы (он и есть фасилитатор), настроенный нейтрально и не имеющий права принимать решения, помогает группе усовершенствовать способы идентификации проблем и принятия решений за счёт организации конструктивной совместной деятельности. В принципе фасилитация не что иное, как эффективная технология решения проблем, связанных с групповой работой; структурированный способ сбора различных мнений и сведения их в единый и приемлемый для всех интеллектуальный продукт. Фасилитация постепенно вытесняет такие широко практикуемые, но недостаточно продуктивные способы решения проблем, как спор, дискуссия, простой обмен мнениями, административное решение, волевой приказ.

Медиация – нечто похожее, но с существенным добавлением: фасилитация проводится в «обычных» условиях, а медиация – в условиях конфликта. Это процедура прогрессивного вмешательства в конфликт, в ходе которой участники с помощью нейтрального посредника (медиатора) планомерно выявляют проблемы и пути их решения, ищут альтернативы и пытаются достичь приемлемого соглашения, которое соответствовало бы их интересам.

Я считал и считаю, что при обеспечении любого крупного социально-экономического проекта необходима целевая (fasilitatorская и медиаторская) работа с группами, от которых в той или иной степени этот проект зависит и которые могут между собой конфликтовать. Такого рода проектный подход я начал продвигать уже в 95-м, и он оказался более востребованным коммерчески, чем «простая» конфликтология.

Например, тогда велась активная работа вокруг проекта создания высокоскоростной магистрали (BCM) между Москвой и Санкт-Петербургом. Одной из приоритетных целевых групп, формирующих общественное мнение, являлись журналисты. Было не всегда понятно, из чего они исходят в своей работе, в какой информации нуждаются и что нужно сделать, чтобы она работала не «против» проекта, а «за» него. Ответ на эти вопросы была призвана дать групповая фасилитация, проводившаяся с редакторами городских и районных газет Тверской области по заказу компании РАО «BCM».

Вполне «живой» продукт мы создали, выполняя заказ когда-то самого известного (наряду с «Работницей») женского журнала «Крестьянка» на создание мужского журнала-приложения «Обыватель». Собрали коллектив «Крестьянки», «отжали» в ходе фасилитаторских сессий идеи и предложения, воплотили их в структурированную концепцию. Обсудили с людьми ещё раз, отшлифовали и получили понятный для всех проект нового издания.

А бывает по-другому? Да в большинстве случаев! «Умный» теоретик производит что-то запредельно продвинутое. А «глупый» исполнитель этого не понимает, не принимает, не любит, но в любом случае не хочет исполнять. Процедурные конфликтологические технологии такие проблемы в принципе снимают.

«Обывателем» же мы с моим коллегой по «Сити» Александром Тамировым увлеклись настолько, что перешли туда работать: он – ответственным секретарем, я – редактором отдела политики. Однако продлился этот эксперимент (как обычно, параллельно с кучей остальных) менее года: в журналистике стало уже тесно. Мы сказали «спасибо и до свидания» журналу и двинулись дальше.

Да, чуть не забыл! В сентябре 95-го в Академии труда и социальных отношений я защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук. Тема, конечно же, конфликтологическая: «Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода». Отзывы на диссертацию написали и академик Кудрявцев, и член-корреспондент РАН Шахназаров, с которым мы активно сотрудничали и о котором я ещё вспомню. Завершил Георгий Хосроевич отзыв своеобразно: диссертация, мол, отличная, автор молодец, а вот степень доктора политических наук учреждена совсем напрасно, и её нужно отменить.

К «Интерлигали» прикипел всей душой и даже оформился туда на должность директора исследовательских программ. Мы продолжали сотрудничать с «Партнёрами» и мотаться с тренингами по России. Но аналогичные программы в рамках своего гранта «Партнёры» продвигали и в другие

страны бывшего социалистического лагеря. И в планах организации значилась встреча специалистов этих стран для обмена опытом и знакомства с опытом стран «капиталистических». Так я, один от России, поехал осенью 95-го в составе группы бывших «социалистических» сначала в Словакию, а затем в Голландию и Данию.

Если в Братиславе словаки действительно демонстрировали нам навыки (привязанные, что меня насторожило, не столько к потребностям своей страны и её субъектов, сколько к формальным методикам грантодателя), то в Амстердаме, Копенгагене, Гааге мои коллеги интересовались и проводили мозговые штурмы исключительно для того, чтобы написать заявку ещё на какой-нибудь грант, который можно успешно «распилить». К тому же пили и ели они ровно в то время и ровно столько, сколько было положено в рамках оплаченной программы...

НКО (некоммерческие организации), третий сектор... Вид бизнеса «под красным фонарём»: «Мы же делаем благие дела – так дайте нам на это денег». И с нежеланием признавать данную деятельность бизнесом, пожалуй, именно там, в Амстердаме, особенно остро понял, что меня такие «фонари» не привлекают. Если ты производишь востребованную услугу, то пусть её купят. Не покупают – подумай, как продать. А потом, когда захочешь кому-то помочь, достань из кармана (своего!) деньги и помоги. А когда приспичит пойти в хороший ресторан, не жди, пока тебя туда пригласят в рамках какой-нибудь халявной программы! Лучше заработай на этот ресторан! Впрочем, извините меня, уважаемые «общественники». Не обобщаю. И не про вас. Про себя.

Так о чём я говорил? А! О фонарях! В Амстердаме я покинул дружный коллектив коллег, слившихся в сладостной истоме написания грантовых заявок, и отправился в музей Ван Гога, Рикс-музей, музей Рембрандта. Вы думаете, меня тянуло к высокому? Поначалу да. Но когда я увидел Музей эротики и даже вошёл в него – всё как рукой... Тогда смеялись над фразой «в СССР секса нет». Смеялись потому, что считали, что он был. В амстердамском музее эротики я понял: и вправду нету в СССР, да и в новой России секса. А вот в Амстердаме есть, да ещё какой! На музее впечатления о местном реальном сексе не закончились.

Я позвонил Ольге де Хaan – впервые мы встретились с ней в России, опять же по общественной линии. У неё была экзотическая биография: мама – россиянка, во время войны попала в немецкий концлагерь, где познакомилась с голландцем, за которого и вышла замуж. Ольга родилась уже здесь, по-русски говорила с горем пополам, и мы болтали по-английски.

Пересеклись мы у Ольги дома, чтобы (в который раз!) обсудить какой-нибудь общественный проект, я вручил сувениры из России. Сильно проголодался, надо сказать, и рассчитывал на ужин в гостях, а она выставила бутылку красного без никакой закуски. Выпили – достала вторую. Пришёл муж, познакомились и выпили третью... Попрощавшись, добежал до ближайшего «Макдоналдса» и с остервенением вцепился в гамбургер.

В гостиницу решил идти пешком. В Амстердаме заблудиться трудно, поскольку весь город покрыт геометрически правильными каналами: они представляют собой либо кольца-диаметры, либо радиусы этих колец. Я зашёл за угол очередного дома и увидел... эти самые Красные фонари. В 95-м квартал Красных фонарей был для нас ещё диковинкой.

Нет смысла живописать многократно рассказанное другими. Завершу тем, что захотел поснимать в Красных фонарях, благо видеокамера находилась со мной, под плащом. Навёл на одно окошко, на другое... Среди сидевших в витринах женщин (одна работала, скажем, под школьную учительницу, другая под медичку и так далее – очень зажигательно) наблюдалось заметное оживление: дамы махали руками и показывали мне средний палец. Одна из них выбежала на улицу, схватила камень и бросила в меня – еле увернулся, но снимать не перестал. Когда же ко мне направились два дюжих молодца-негра, пришлось смыться. Но кадры на память остались!

Всё о Красных фонарях? Не-е-ет. Но раскрываться не буду, дабы не возбуждать почтенную публику, а лучше расскажу анекдот. Приходят в заведение Красных фонарей два представителя одной братской нам страны.

- Вот эту негритяночку хотим, – говорят.
- Будьте любезны, 100 евро за 30 минут.
- У нас столько нема... Давайте вон ту жёлтенькую.
- Будьте любезны, 80 евро за 30 минут.
- И столько нема.

- А сколько у вас есть?
 - Тильки один евро.
 - Будьте любезны, зайдите за угол, и там друг дружку, ага...
- Через пятнадцать минут звонок в дверь:
- А кому гроши отдавать?..

Анжела. А поезд пошёл своей...

Я встретила 90-е в поезде. После развода, полна жизненной энергии и веры в себя. Самой приятной неожиданностью лихих лет стало то, что иностранные посольства выдавали визы без особых на то проблем – были бы деньги да заграничный паспорт.

Из Пекина в Москву и наоборот потянулась, размеренно покачиваясь на транссибирской магистрали, новая нация под названием «челноки», рождённая в конце 80-х. Вагоны забиты товаром. В короткие сроки, при пересечении международных границ, все внутренние панели купе размонтировались, на свет вываливались тюки, пакеты и коробки, заполненные надеждой на скорое богатство. За окном сменялись красочные пейзажи России, но их никто не видел, головы людей наполнены лишь одной мыслью: где взять деньги, да побольше и побыстрее.

«Челноки» отличались от простого хомо сапиенса новыми частями тела: приросшей к животу кожаной сумкой и удлиняющим руку электронным калькулятором; а также быстрой, нервной походкой и разорванной манерой речи. Новый вид человека, родившегося на обломках умирающего СССР, мог спать стоя; не есть сутками; объясняться со всеми остальными национальностями одной фразой «Хай мач?»; не мыться неделями и при этом умудряться не вонять. Никто не знал места его постоянного обитания: он мог находиться сразу и везде.

«Челнок» прочищал себе путь на вокзалах, в аэропортах, гостиницах, на стоянках такси локтями и дико вращающимися в кровавых, невыспавшихся глазницах зрачками. «Челнок» принёс новую моду: в спортивном костюме теперь можно было валяться не только в гамаке на даче, но и ходить по людным улицам зарубежных столиц.

Я всегда выбирала себе верхнюю полку – здесь не доставали ни коллеги-«челноки», за секунду знакомства с точностью определявшие твой размер одежды, обуви и диаметр мизинца; ни меланхоличные, потерявшие себя в старом и ещё не нашедшие в новом мироустройстве военные; ни оживлённые командированные – этим было всё равно, какая власть придёт или уйдёт; они знали из своего богатого опыта, что при любой власти с маринованными огурчиками, водочкой и чёрным хлебушком ехать в поезде можно.

Я наблюдала за разбросанными по вагонам ломтиками судеб; собирала разношерстные пазлы характеров в осмысленную картину и объединяла их в человеческую категорию, которая стремительно покидала бывшие социалистические страны.

Какая сила заставляла меня покупать билет в неизвестное будущее? Мама переживала, но отпускала в надежде, что я «выбешусь» в дороге, остановлюсь, выйду замуж, нарожаю детей и буду копать огород возле своего дома. Я успокаивала её и говорила, что на этот раз еду к мужчине, которого люблю, который оплатил мне дорогу и с которым меня обязательно ждёт замечательное будущее; именно такое, как маме виделось.

В действительности же я сбегала: от лжи общества, стесняющегося говорить о факте развода; от лицемерия бюрократов; от отчаяния простых людей, несших на своих плечах остатки социализма и научившихся глотать эмоции, не давясь ими.

В свои наивные 20 лет я верила, что всё самой собой разрулится, что возрастающая депрессия молодого поколения не перерастет в массовый алкоголизм; что молодые девчонки не станут продаивать своё тело за синтетический ширпотреб и что мальчишки не станут убивать друг друга за напечатанные на западе кусочки бумажек...

Я вышла в тамбур. Сюда же зашли бывшие партийные работники (что следовало из их общения), достали сигареты и закурили. Голоса в откормленных телах говорили что-то о бизнесе, купле и продаже; материли какого-то Петровича, не желающего подарить им завод.

Мимо нас проталкивались две дамы в одежде неоновой расцветки с огромными лейблами западных фирм, за ними следовал «челнок» с пакетами, приговаривая: «Девушки, девушки! Ну, вы не померили даже! Я уверен, что вам подойдёт!».

Снесённые границы выбросили на берег международного рынка роскошные тела советских баб. На Западе стало модно иметь русскую, украинку, литовку. Пока мужчины занимались делением собственности, их заброшенные половинки рожали на западе иностранных детей. Женщины делали это добровольно: занимали очереди в многочисленных и продолжающих расти брачных агентствах, изучали психику американского или итальянского мужа – да любого, лишь бы только не своей национальности; знакомились с традициями выбранной страны.

Выезжали потоками. Поезда и самолеты были переполнены с одной стороны «челноками», пропадавшими чужое; с другой – красотками, желавшими сбыть своё тело по выгодной цене.

Что ожидали эти женщины от Запада? За каким счастьем ехали? Почему какой-то Стив, возможно, маньяк, оказывался милее одноклассника Васи?

Почему мужики, слепив из желтоватого качества источников образ западного бизнесмена, стали ориентироваться на псевдо западный покрой костюмов и такой же псевдо стиль жизни? Зачем давили друг друга в борьбе за самую длинноногую модель, самый модный автомобиль, самый крутой особняк?

А Запад только радовался новой струе денег, поддерживающей его привлекательность...

Я выкурила сигарету и вернулась в своё купе. Дверь соседнего купе была открыта, и внутри в дыму сигарет сидели офицеры без пиджаков. Стол заставлен полупустыми бутылками из-под водки. Один – хрупкого телосложения, с костлявыми руками, изрядно выпивший – дышал папириской в лицо сидящему напротив и изливал душу:

– Не поеду! Вернусь н... в Монголию, там баб-шлюх море. И Китай рядом. Ты вот сколько получаешь? А-а-а... Не хочешь отвечать. А я знаю, что мало! Станешь «челночить», за месяц годовую зарплату поднимешь! А наше армейское продать – так уже всё продано! Михалыч, слышал про него? Всё продал, даже танки продал! Он бы им и так всё оставить мог, а продал. Во-о-от. Так что прощай, армия!

– Ты, сукин сын, не трогай армию! – вдруг проснулся сидевший рядом блёклый блондин с курносым носом и схватил хрупкого за рубашку.

Хрупкий хотел вскочить, но увидел меня и расплылся в улыбке:

– Девушка! Заходите к нам в гости!..

«Крысы покидают тонущий корабль», – так вроде бы говорится, но кто знал из нас тогда, тонул корабль или, наоборот, всплывал? В хаосе 90-х трудно различался мираж будущего. Я благодарна этим годам так, как можно быть благодарной горькой микстуре, излечившей от болезни. Но возвращаться туда не хочу...

Что с *тем* поездом? С ним, как в песне Андрея Макаревича:

И оба сошли где-то под Таганрогом, среди бескрайних полей.

И каждый пошёл своею дорогой, а поезд пошёл своей...

Александр. Твист в Ростове

Выше я уже объяснялся в нелюбви к первому российскому президенту. А в 1996-м нате вот – пришлось полюбить и даже помочь! Не корысти ради, а демократии для. Но обо всём последовательно. И вообще, на Москве, Питере, Грозном свет что ли клином сошёлся? Россия – она большая. Итак, дело было в Ростове-на-Дону.

В 1996-м году Борис Николаевич Ельцин готовился к избранию на второй срок. Эта президентская кампания, на мой взгляд, может считаться одной из самых демократичных и оригинальных – впрочем, как и многие выборы 90-х.

Надо сказать, что основной пул российских политтехнологов более-менее сформировался как раз к этому периоду. Интересно, например, что на выборах в Государственную Думу России в декабре 95-го в одном и том же штабе возглавляемого Виктором Степановичем Черномырдиным движения «Наш дом – Россия» одновременно сидели такие культовые и широко известные в PR-сообществе профессионалы, как Игорь Минтусов с Екатериной Егоровой (руководители Центра политического консультирования «Никколо М»), и Андрей Гнатюк (позднее – президент компании «ИМА:консалтинг»), и уже упомянутый мною Алексей Ситников, и автор этих строк, и многие

другие известные ныне консультанты. К их словам прислушивались, а параллельно искали и подтягивали новые «мозги».

Завершив кампанию по выборам в Думу, мы перебрались из «штабного» здания Высшей школы экономики в другое «штабное» здание – «Президент-отель» и начали «штурмовать» выборы президентские.

Какой кандидат в президенты имелся в виду? Да ЕБН, конечно, несмотря на нашу всеобщую нелюбовь к нему. Потому что серьёзной альтернативой выступал лишь лидер коммунистов Геннадий Андреевич Зюганов, а возвращаться в развитой социализм никому из нас не хотелось, даже на личном уровне. Так что из нежелательного и совсем нежелательного кандидата остановились на первом варианте и приступили к работе. А работать было над чем: в начале 1996-го Президент имел чрезвычайно низкий рейтинг.

На наших «посиделках» в «Президент-отеле» происходило много интересного.

Так, здесь выступил однажды Михаил Леонтьев, впоследствии известный телеведущий, а также вице-президент «Роснефти».

– Кто это? – спросил присутствовавший на встрече представитель Администрации Президента.

– Это Михаил Леонтьев, заместитель главного редактора газеты «Сегодня».

– Журналист? Очень хорошо! Давайте на следующую встречу пригласим побольше журналистов.

– Журналистов приглашать не надо, – вмешался в разговор уже сам Леонтьев, – это такое г...

Именно в «Президент-отеле» родилась, например, мысль о том, что в кампанию неплохо бы привлечь... женщин. Ведь до сего времени Борис Николаевич не выходил на публику ни с женой, ни с дочерьми – «воевал» один. А теперь консультанты предложили «мобилизовать» Наину Иосифовну и Татьяну Борисовну. И вот я уже пишу документ под названием «Модель подготовки и размещения в СМИ материалов, связанных с Н.И. Ельциной и Т.Б. Дьяченко».

Впрочем, свою роль в «Президент-отельских» заседаниях 96-го преувеличивать не буду, тем более что «творцов» той президентской победы и так более чем достаточно – сопоставимо с числом людей, несших на субботнике бревно с Лениным. А мне пришлось проявиться в другом месте – в Ростовской области, куда был делегирован в качестве «автономного» консультанта.

Как сие понимать? Как любопытную и далеко не спонтанную интригу: работать предлагалось не вместе, не в структуре, а параллельно, автономно от основного штаба президентской кампании. И в ситуации, когда ещё не прошло голосование, решать любопытную задачку – готовить «Концепцию информационно-пропагандистского обеспечения второго этапа кампании по выборам Президента РФ в Ростовской области». Второй этап – это второй тур. То есть мы, в отличие от чиновников, которые не могли говорить о возможности невыигрыша Ельцина в первом туре, прямо заявляли: именно так и случится.

И гром грянул: по итогам голосования 16 июня 1996-го года Борис Николаевич набрал 35,8 % голосов, а Геннадий Андреевич – 32,5. Это, заметьте, по России, а на Дону президент и вовсе проиграл Зюганову 5 %. Вот тогда и вспомнили про концепцию (она уже была и у губернатора, и у представителя Президента), которая немедленно заработала.

Помню, как мне позвонил один из ведущих ростовских политтехнологов и попросил о встрече. Мы встретились, выпили, потом ешё, потом пили полночи, потом всю ночь, а я всё никак не мог понять, – чего он хочет. Под утро понял: он хочет поставить под концепцией и свою подпись.

О чём документ? О стратегии, которая предлагала основной лозунг и лейтмотив второго этапа кампании – «Теперь мы едины!». Это в желаемом пропагандистском ракурсе следовало понимать так:

– После подведения итогов первого тура для всех стало совершенно очевидным: во втором туре Президентом России вновь будет избран Б. Н. Ельцин.

– Если в первом туре он опередил Г.А. Зюганова (по России), то во втором сделает это и подавно.

– Если в первом туре он немного проиграл Г.А. Зюганову (по области), то во втором обязательно выиграет, поскольку голоса других претендентов в своей массе достанутся именно Б.Н. Ельцину.

– Политические партии, движения, блоки, лидеры, рядовые граждане, ранее отдававшие голоса за конкурентов действующего Президента РФ, теперь понимают: вариант выбора только один – Б.Н. Ель-

цин. Именно такое понимание составляет основу нынешнего единства, а также будущей консолидации большинства граждан и организаций России в целом и Ростовской области, в частности. Если брать шире, то это единство обеспечивает не только победу Б.Н. Ельцина на президентских выборах, но и стабильность политического и социально-экономического развития страны и региона, рост благосостояния ростовчан, как и других российских граждан, их уверенность в завтрашнем дне...

Общая тактика проведения кампании «Теперь мы едины!» строилась посредством демонстрации через средства массовой информации и в непосредственных контактах с избирателями двух основных позиций:

- а) мы (я) поддерживали и продолжаем поддерживать Б.Н. Ельцина;
- б) мы (я) ранее не поддерживали, а теперь будем поддерживать Б.Н. Ельцина...

И, конечно, о тактике. Среди тактико-технологических мероприятий фигурировали, например, такие.

Акция «Гражданский наказ Президенту».

Самым многочисленным отрядом организованных структур, аккумулирующих интересы граждан, являются общественные объединения. Их количество в Ростовской области составляло много десятков, а число людей, так или иначе причастных к общественным объединениям, достигало нескольких сотен тысяч.

Одна или несколько общественных структур, поддерживающих Б.Н. Ельцина, обращаются с просьбой к общественным объединениям сформулировать (на одной странице) для Президента предложения по улучшению ситуации в том направлении деятельности, которым они занимаются...

Действительная поддержка Б.Н. Ельцина заключалась в данном случае не в формальных заявлениях о поддержке кандидатуры со стороны общественных объединений, а в самом факте их участия в акции. Сделать это участие пропагандистским «козырем», придать ему соответствующее информационно-пропагандистское звучание – дело разработчиков акции и СМИ...

Акция «Личный интерес».

Большинство крупных промышленных и сельских предприятий Ростовской области представляли собой акционерные общества. Не секрет, что их рядовые акционеры получали незначительные дивиденды от своих акций. Также не являлось открытием, что именно на крупных предприятиях сосредоточена значительная часть коммунистического избирателя. Например, только в июне 1996-го ряд акционерных обществ – угледобывающих предприятий Ростовской области выступили с угрозой политических забастовок.

Тем не менее надежда на доходы от акций и вообще на улучшение ситуации на предприятиях оставалась. Соответственно, сохранялась зависимость акционера от своего предприятия, его руководителей и надежда на получение материальных и иных выгод или хотя бы компенсаций за счёт причастности к собственности.

Суть акции «Личный интерес» состояла в направлении руководителями акционерных обществ персональных писем (в АО имеются реестры акционеров) каждому акционеру с примерными пунктами такого характера:

- сейчас ситуация на предприятии, может быть, не самая благополучная, однако есть основания ожидать её улучшения;

- данное улучшение наступит с избранием на второй срок Президентом РФ Б.Н. Ельцина, так как именно он во время визита в Ростовскую область дал конкретные гарантии и обещал помочь...

Ну и, конечно, специальная акция-пугалка «Предупреждение».

В последние 1–2 дня перед голосованием второго тура президентских выборов Глава администрации Ростовской области и другие наиболее надёжные и компетентные руководители-отраслевики выступали с обращением к жителям региона. Обращение транслировалось по всем возможным каналам телевидения и радио и параллельно запускалось в прессу. «Ядро» данного обращения составляли следующие тезисы:

- есть все основания предполагать победу на выборах Б.Н. Ельцина;
- в то же время случиться может всякое;
- это «всякое» уже началось. Далее перечислялись возникшие накануне выборов симптомы кризисной ситуации, которые получат развитие в случае прихода коммунистов к власти;

– «пенсии» в Ростовской области сегодня держатся исключительно на Б.Н. Ельцине, в случае его проигрыша их в следующем месяце может не быть;

– ряд поставщиков продовольствия и товаров первой необходимости письменно или устно уведомили областную администрацию о прекращении поставок в случае победы на выборах Г.А. Зюганова; имеющихся в области запасов осталось на несколько недель...

В общем «Не дай Бог!»! (так называлась выпускаемая по всей России миллионными тиражами газета), что означало: если выберут Б.Н. Ельцина, то лучше, может, и не будет, но если выберут Г.А. Зюганова, то станет гарантированно хуже.

Концепция трансформировалась в рекомендации, рекомендации рассылались главам городских и районных администраций области, те старались их выполнять, и это выполнение-невыполнение пристрастно контролировалось.

Считаете, обман? Обман – это когда вбрасываются липовые бюллетени, а в нашем случае происходила творческая политическая игра...

Вскоре и сам всенародно ещё не избранный по второму разу президент внезапно появился в середине предвыборного концерта на стадионе завода «Ростсельмаш», заполненном народом со всей области. Я знал о предстоящем приезде Ельцина и ходил по траве перед сценой, ожидая увидеть какой-нибудь помпезный кортеж. А пока по полю бегал и пел Аркадий Укупник: «Я на тебе никогда не женюсь...».

Укупника сменил Женя Осин. Во время его выступления Борис Николаевич внезапно вышел из-за сцены. Осин, естественно, дал «стоп», а кандидат в Президенты обратился к людям с речью. Потом говорит Осину:

– Ну, давай, играй что-нибудь!

Тот запел-заиграл-затанцевал.

И кандидат в Президенты стал танцевать твист! Такой вроде живой, подвижный, в белой рубашке. Стал именно резко танцевать, а не пританцовывать-имитировать.

Стадион ревёт, все телеканалы крутят этот сюжет, и... ставится задача – как-то удлинить во времени эффект позитивного воздействия удавшегося трюка. Через три дня в Ростове планировалась грандиозная молодежная дискотека. Этого времени хватило для создания из президентской речи музыкально-речевой композиции.

Текст с помощью музыкального фона «облегчили», чтобы молодёжная аудитория лучше его «проглатывала», необходимые акценты выделили повторами, и новодельное произведение искусства блестящее сыграло роль хита дискотеки. А прежде большой и старый президент стал на некоторое время молодым и здоровым.

– ЗдорОво! Дорогие ростовчане!

Надо сделать так! (3 раза – здесь и далее указывается количество повторов выделенного курсивом фрагмента текста).

Чтобы 16 июня победила *свобода!* (10 раз)

Будущее России!

Я верю в вашу вольность!

Я верю в вашу мудрость!

Я верю в ваш характер!

Я верю в вас! (3 раза)

Конечно, за эти 5 лет досталось вам, досталось и мне (4 раза).

Но шагу ни одного назад мы с вами не сделали!

И не должны ни одного шага сделать

Ни при каких обстоятельствах! (4 раза)

Вы – это надежда России!

Вы – это вера России!

Вы – это любовь России!

Вы – это будущее России!..

3 июля 1996-го года за Ельцина в России проголосовало 53,8 % избирателей, за Зюганова – 40,3. В Ростовской области Борис Николаевич выиграл у Геннадия Андреевича 7 %. Мы были рады? Профессионально – да, по-человечески – чего-то морщились.

Эдуард. Отдохнул я у тебя душой

У одного из самых влиятельных людей в России вдруг возник «пробел»: два свободных часа до выезда в аэропорт. Никто не звонил, не беспокоил, мы сидели в Москве, в кабинете уютного ресторана и пили уральскую водку «Каменный пояс». Эдуард утверждал, что она даёт «мужскую силу». Ну и вообще разговорились про традиции выпивки; о том, кто, сколько, когда выпивал и что из этого получалось. Логически перешли к опыту в питейном плане Всенародно Избранного. Тот был земляком Эдуарда, они регулярно встречались, а последняя встреча состоялась в период недавнего приезда Всенародно Избранного в регион Эдуарда в целях ознакомления с подготовкой к международной выставке вооружений и военной техники. Эдуард неторопливо рассказывал:

– Ну, когда его показывают по телевизору пьяным, я не знаю, сколько он перед этим выпил. А в реальности бывает вот как. Прилетает Всенародно Избранный в город Е., где его уже ждёт автомобильный кортеж. Ехать нам в город Н.Т., до него по прямой 124 километра. Ну, с учётом того минуса, что едем не совсем по прямой, да и дороги не везде идеальные, а также плюс, что везде нам зелёный свет, получается где-то полтора часа. Ну, Всенародно Избранный в лимузин садится, я – в свой автомобиль, и трогаемся.

Вдруг кортеж останавливается, и к моей машине подбегает К. «Эдуард, говорит, Всенародно Избранный просит пересесть в его автомобиль». Ну, просит, значит пересядем. Пересел.

– Как идёт подготовка к выставке, мы на неё очень надеемся? – спрашивает.

– Хорошо, говорю, не подведём, не сомневайтесь, – отвечаю.

– Да я в тебе, Эдуард, никогда и не сомневался. (Обращаясь к сидящему в той же машине К.): «К., ну-ка, налей нам чего-нибудь с Эдуардом».

– Так нету, господин Всенародно Избранный.

– Как нету, я же просил!

– Есть, господин Всенародно Избранный, но в багажнике.

– Достань из багажника.

– Так мы едем, придётся кортеж останавливать.

– Останавливай…

– Может быть, потом, на месте, господин Всенародно Избранный?

– Слушай, К.! Давай разберёмся: кто у нас Всенародно Избранный, ты или я?

– Вы, конечно!

– Тогда останавливай!

К. останавливает кортеж, бежит к багажнику и возвращается с чемоданчиком, который называют «кейсом» или «дипломатом». Внутри буквально впечатаны в пластиковый шаблон две бутылки коньяка, два лимона и два стакана. Наливает. Выпиваем. Наливает. Выпиваем. За разговором бутылки нет. Всенародно Избранный просит налить ещё. Наливает. Выпиваем. Наливает. Выпиваем. За разговором второй бутылки нет. Всенародно Избранный просит К. снова остановить кортеж и принести следующий кейс. Приносит, приступаем к третьей. И тут уж я вмешиваюсь, как можно мягче и добродушней:

– Господин Всенародно Избранный, а давайте как раньше: дело сделаем, а потом где-нибудь в лесочке накроем поляну и посидим.

Сам звоню помощнику и тихо, сквозь зубы, приказываю к такому-то часу готовить поляну.

Приезжаем в Н.Т. Народу собралось: тысяча человек или даже больше. Всенародно Избранный выступает. Как всегда зажигательно, доходчиво, со знанием дела. Народ рукоплещет.

После выступления руководство завода приглашает, так сказать, почтить вниманием. А я шепчу Всенародно Избранному: у нас в роще всё накрыто, Ваши бывшие коллеги ждут, очень хотят повидаться – надо ехать. «Ну, говорит Всенародно Избранный руководству, по рюмочке на дорожку, и всё, работа ждёт».

Приезжаем в рощу, там всё в ажуре: тенты, палатки большие, столы. Тосты со слезой: за команду, за успех выставки и, естественно, за самого Всенародно Избранного, потому что другого такого, чтобы Всенародно избрали, просто не найти.

И тут Всенародно Избранный говорит:

– Слушай, Эдуард, надоела вся эта слашавая бюрократия, давай просто возьмём бутылочку да присядем по-простому в лесу на пеньке.

К. принёс бутылочку (а ему Всеноадно Избранный тоже наливал), сам уже пошатывается, но сумку с бутылкой и стаканами несёт и зонт держит над Всеноадно Избранным, поскольку дождь уже пошёл.

Идём по грунтовке, ботинки отсырели и облепились грязью.

– К., возьми наши ботинки, а то неудобно в грязных, а мы с Эдуардом пойдём босиком.

Через некоторое время К. возвращается с чистыми ботинками и со всей серьёзностью сообщает, что самолёт уже стоит под парами, а Н.И. очень переживает и Всеноадно Избранного ждёт.

– Да, работа ждёт, от неё никуда. Что ж, Эдуард, спасибо, отдохнул я у тебя душой...

Александр. Жить на вулкане

Недавно я утверждал, что Россия, мол, большая, что есть в ней не только Москва и Питер, но и Грозный, и Ростов-на-Дону. А получилось, что в 90-е Москва постепенно становилась не совсем Россией, Грозный – совсем не Россией, Ростов-на-Дону – какие-那样的 российские дали? Так, ближний южный круг.

А вот Камчатка, Петропавловск – это большая дальняя Россия. И попадёшь туда разве что в мечтах. Поскольку девять часов лёту – да недёшево, девять часов сдвиг во времени – да не сразу привыкнешь, быт – да не было там в 90-е никакого быта. Но то, что там Россия – однозначно.

Это красиво – сопки в тумане,
Это нормально – жить на вулкане.
Это прекрасно – гейзеров чудо,
Утро в России родом отсюда...

Такую вот песню написали Николай Зиновьев и Игорь Демарин. «Жить на вулкане» – это буквально. И летишишь-то на Камчатку по северам, и видишь постоянно белые горы и равнины, а прилетаешь – три вулкана сразу, наблюдаются прямо из аэропорта: Авачинский, Козельский и Корякский.

Землетрясение в городе – обычная вещь. Сильные нечасты, но дома на всякий случай стянуты железными свяями: чтобы не разваливались сильно в стороны, если чего. А не если чего, а так, по мелочам – это когда вдруг стаканы тихонько запляшут на столе, двигаясь постепенно к его краю.

«Гейзеров чудо» (Долина гейзеров) доступно даже не всякому жителю Камчатки. Населённых пунктов в Долине нет, а расстояние от Петропавловска составляет около 200 километров. Вроде не так много, но путь сложный, по горному рельефу, не каждому под силу. Лучше вертолётом, но, опять же, дорого.

Тянутся к морю женские руки,
Трудно привыкнуть к долгой разлуке.
В бухте порою скалы вздыхают,
Это Три Брата ночь охраняют...

«Женские руки» – это руки жён и подруг моряков: военных, с надводных кораблей и подлодок; и гражданских, с рыболовных судов. Те и другие надолго уходят в море, вот и «тянутся женские руки» в провожании, ожидании, к встрече.

Три Брата – три каменных скалы, которые торчат из воды близко друг от друга в Авачинской бухте, одной из самых больших в мире.

Русский характер здесь у норд-веста,
Здесь для свободы лучшее место.
Тот, кто родился рядом с Авачей,
Тот понимает, что это значит...

Русский характер здесь такой, что далеко не везде в ближней России и найдёшь. И даже говор: отъехал от Москвы на несколько сотен километров, а там говор уже другой, диалектный. Прилетел за десять тысяч километров в Петропавловск-Камчатский, а говор не отличишь от московского. Феномен вполне понятный: сюда ехали лучшие, даже из Москвы, на заработки, конечно. На Камчатку направляли офицеров из самых разных училищ. Здесь пристанище геологов и вулканологов. Многие приехавшие ненадолго так и осели на полуострове.

Живут в Камчатском крае и, скажем, коряки. Но их общая доля в составе населения составляет два процента. А ительменов, эвенов, чукчей, корейцев – и того меньше.

«Рядом с Авачей». Авачинский вулкан – вот он, рукой подать, на проходимой машине всего часа полтора ехать из Петропавловска. Вулкан действующий, но на него регулярно устраиваются народные «забеги». Начинаешь с 700 метров над уровнем моря, поднимаешься на заснеженный купол, а дальше – на высоте 2700 располагается большой кратер. Он забит лавой, сквозь которую просачиваются фумарольные дымки. Тепло: можно гулять по картеру, раздевшись, и даже загорать.

Мой дом – Петропавловск-Камчатский,
В какой бы я ни был дали.
Меня через годы встречают
Горячие слезы твои...

И во сне не могло присниться, что Камчатка на многие годы и вправду станет для меня почти родным домом...

Позвонил уже известный читателю Алексей Ситников:

- Слушай, давно не виделись, есть что обсудить.
- Конечно, обсудим!

Мы встречаемся, и Лёша излагает очередной «проект века». Его суть такова: есть полуостров Камчатка. Не бывал? Зря, отличное место. Есть мэр города Петропавловск-Камчатский. Правда, там он называется не «мэр», а «градоначальник». Зовут его Александр Кузьмич Дудников. Не слыхал? Зря, отличный мужик.

Он там борется с коммунистами. За Устав города. Те хотят Устав на заседании городской думы принимать, а Дудников хочет, чтобы всенародно. В общем, вопрос выносится на референдум, который надо выиграть. Людей у меня катастрофически не хватает. Возглавь кампанию, а?

Лечу положенные девять часов. Успел два раза поесть, выпить, поспать, почитать и даже что-то написать. Встречает Виктор Сергеев, заместитель градоначальника и руководитель аппарата городской администрации.

Идём с Виктором в корейский ресторан «Ареран», говорим о референдуме. Потом укладываемся спать. Просыпаюсь часа в три ночи и не понимаю, где нахожусь: формула «9 часов полёта + 9 часов перепад по времени» начала работать. Во все последующие приезды в Петропавловск я уже чётко знал, что три-четыре дня приходишь в себя...

Город образца 1995-го года не лучшим образом поражал: хрущевские пятиэтажки, обитые жестью с торцов, чтобы не продувало; разбитые дороги. Немало и деревянных домов с печным отоплением, на некоторых прочитывались надписи: «Власть – советам, жильё – народу!». Допотопный рынок, убогость строений которого компенсировало обилие океанской рыбы. А про икру и говорить нечего:

- Взвесьте мне, пожалуйста, икры.
- Вам какой?
- Красной!
- Она тут вся красная. Какой рыбы?
- Лососёвой, конечно.
- Она тут вся лососёвая: нерка, кижуч, кета, горбуша – это всё лососёвые!
- Давайте, что ли, кетовую.
- Вам какого посола: чтобы сразу съесть, в холодильник на месяц поставить или долго хранить?..

От такого выбора голова шла кругом.

Зашли в скромнейший домик с вывеской «Кафе Сова», где тусовалась простая рыночная публика. Заказали котлеты из оленины, а тут хозяин кафе, он же повар и официант, Саша советует:

- Не наедайтесь сильно: мне только что гребешки с океана принесли, сейчас приготовлю.

Что такое гребешок? Это мышца раковины, которую аккуратно вырезают, кладут в холодильник, замораживают и... везут в Москву.

В «Сове» всё происходило не так. Саша опустил аккуратные гребешковые кружочки из выловленных утром раковин в уксусный раствор на пять минут и подал нам.

– С чем их лучше есть?

– Да к без затей, с майонезом...

Наша приезжая команда москвичей состоит из трёх человек. Студент московского журфака Тигран, столичный журналист Василий и я. Таким малым числом мы взялись за кампанию, которая была уникальной и, к сожалению, никогда больше не повторится. Почему? Потому что когда вы получаете вынесенный на торги государственный заказ, то делаете ровно то, что написано в техническом задании. Если заключаете контракт с бизнес-структурой, со временем появляются кое-какие подводные камни; и расхождение между тем, что написано в договоре и что требуется сделать в реальности, может стать существенным. В политике же, если из написанного выполняется процентов десять, считается нормальным. Но в Петропавловске 95-го принимались и срабатывали почти все предложения!

Мы просто верили в свою правоту. Мы убеждали в этой правоте других; те, в свою очередь, третьих. Плюс, конечно, высокая технологичность, которой не было у конкурентов.

В чём, собственно говоря, состоял вопрос? В том, что в немногочисленной (девять человек) городской думе преобладали коммунисты. Любое решение они могли принять простым большинством голосов или даже двумя третями. И вот замахнулись на городской Устав.

Коммунисты пользовались очень весомой поддержкой в городе. Их лидер Михаил Борисович Машковцев возглавлял, ни много, ни мало, Совет народных депутатов Камчатской области – именно так назывался региональный орган законодательной власти на полуострове.

Машковцев был талантливым оратором и журналистом. Не гнушался выйти на улицу с рупорным громкоговорителем и лично провести опрос граждан по нужной проблеме. Мог подвезти в центр города ждущих на остановке автобуса людей на своей машине. То есть «народный полководец» – да и всё тут.

Мы посмеивались над этой «народностью» и охотно приглашали Михаила Борисовича на встречи с прессой. Что с него взять: смешной, погоду не испортит. Забегая вперёд, скажу, что в 2000-м году «смешной» Машковцев стал губернатором Камчатской области и находился на этом посту до 2007-го года...

Но вернёмся в 95-й. Коренной житель Камчатки – градоначальник Петропавловска-Камчатского Александр Дудников тоже не лыком шит: глава города с 1991-го, да и за словом в карман не лезет, и в люди выйти не боится. А чего ж боялся за Устав? Да очень просто: Устав дума примет, внесёт туда пункт о выборах градоначальника тоже думским большинством, и всё – смена власти в Петропавловске с обыкновенной на коммунистическую.

При таком раскладе в качестве основного тезиса кампании был выбран следующий: перехватываем народный имидж у коммунистов.

Вы, коммунисты, за народ? А зачем же Устав города хотите кулачно принимать? Пусть люди его почитают, свое мнение выскажут, а потом посмотрят: учтено оно или нет? Если учтено, то можно и принять, но только всенародно!

Этот тезис мы и раскручивали, параллельно призывая граждан вносить предложения к Уставу. Коллекционировали мнения лидеров общественных и религиозных организаций и просто жителей: от ассоциации многодетных матерей до православной церкви, от рабочего до морского офицера. Выпускали газету «Референдум», где эти мнения публиковались.

К делу подходили глубоко по-человечески.

– Кто ещё должен высказаться? – спрашивал Виктор Сергеев, главный ответственный за референдум от городской администрации.

– Да кто-нибудь из творческой интеллигенции...

И мы шли в гости к председателю союза художников Камчатки Сурену Казаряну. Заглядывали в кафе «Карина», где хозяйствовала жена Сурена, ели хац под водочку, потом ехали на берег Тихого океана. Там выпивали и беседовали за жизнь; потом продолжали путь к горячим источникам в районе речки Паратунки поблизости от Петропавловска.

Проводили пресс-конференции, где я выступал ньюсмейкером вместе с Дудниковым. Открыто представлялся: Александр Москвичёв, директор исследовательских программ фонда «Интерлигаль», доктор политических наук, провожу здесь исследования. По просьбе администрации, совпадающей с интересами фонда; докладывал результаты исследований. Как эксперт-политолог появлялся на телевидении, радио.

– Да вы же это, как его, имиджмейстер (именно так, ошибки нет – авт.), – воскликнул на одной из встреч кто-то из оппонентов.

– Да это уж как вам будет угодно...

Вскоре в «коммунистической» «Камчатской правде» появилась статья под названием «Найдите и для коммунистов имиджмейстера». Мол, нашёл Дудников «доктора с умными серыми глазами» – давайте и мы найдём.

Помимо «убежденческой» задачи ставилась и более прозаическая – сделать явку. Ведь на референдум 1994-го года, когда на суд горожан выносился вопрос о переименовании улиц Петропавловска, пришло лишь 26 процентов избирателей при требуемых 50. И остались под нетронутыми, прежними названиями улицы, проспекты, площади Ленина и Маркса, Дзержинского и Павлика Морозова, Советская и Комсомольская.

Но и с явкой справились. Запустили конкурсы, лотереи с призами в день референдума, о чём объявлялось заранее. Народные гулянья, одним словом.

Победили на референдуме. А город и его жители надолго стали родными.

В предпоследний день на Камчатке пошли в единственный в городе Камчатский театр драмы и комедии, где давали премьеру – спектакль «Я люблю тебя, эскадрилья!» по мотивам старой кинокомедии «Небесный тихоход».

Жители Петропавловска шли в театр, словно на настоящий праздник. Джентльмены благородно заказывали в буфете шампанское, леди снимали сапоги и надевали туфли. Посетили премьеру и губернатор, и градоначальник, и шефы местных представительств МВД и ФСБ.

Артисты... Господа были озорны и улыбчивы, дамы – искренни. Не по роли, а «по душе» переживали, понравится ли залу то, что они делают, и радовались, как дети, когда публика награждала их столь же искренними аплодисментами.

Аплодисменты звучали сквозь наползающий на город мягкий снег, прорезали туман, спустившийся на вулканы, шелестели вместе с волнами по чёрному песку Великого океана и постепенно затихали над огромной белой пустыней, сливаясь с шумом турбин уже не сценической эскадрильи, а настоящего самолёта, ведомого на материк расплывающимися лучами солнного зимнего солнца...

* * *

Камчатку, не только политическую, но и спортивную, экономическую, экологическую, я осваивал ещё много лет. Так уж вышло: самый далёкий российский регион стал одним из самых близких. Но об этом мы ещё вспомним.

Александр. Международный пресс-клуб

Летом 1996-го я встретился с давним знакомым Владимиром Губернаторовым, руководителем Центра общественных связей Торгово-промышленной палаты (ТПП) России. Он периодически приглашал меня на работу, но я отказывался и всегда говорил: вот если бы мне какой-нибудь самостоятельный проект...

В этот раз Володя сказал: есть для тебя проект. И «переправил» меня к Владимиру Кисмерешкину, председателю Комитета по рекламе ТПП и лицу, приближённому к президенту Палаты. Владимир Геннадьевич славился умением находить людей, которые могли качественно выполнить любую задачу, поручаемую ему самому. Под такого рода проект пригласили и меня – проявить свои способности.

С 1980-го года в Москве существовал хорошо известный Центр международной торговли «Совинцентр» (ЦМТ) на Краснопресненской набережной – первый советский бизнес-комплекс. Неформально его называли «Хаммер-центром» по имени американского бизнесмена, одного из инициаторов строительства. Старичок был славен ещё и тем, что в молодом возрасте встречался аж с Владимиром Ильичом Лениным.

– ЦМТ снизил свою активность, – посвящал меня в детали замысла Кисмерешкин. – Надо бы его подраскрутить. Чтобы журналисты ходили, а за ними и другие клиенты: бизнес, государственные чиновники. Примерно так. А назовём мы новую конструкцию-организацию «Пресс-клуб «Совинцентр».

Я сразу же возразил:

– Название «Совинцентр» явно подразумевает ведомственные интересы, смущает и приставка «сов» – советский. Нам стоит замахнуться шире – на общероссийский и международный масштаб. Вот, скажем, ближайший и единственный в Москве конкурент – пресс-центр и клуб, работающий в гостинице «Рэдиссон-Славянская», называется «Москва». Давайте назовёмся «Россия».

– Так ведь будут юридические проблемы с регистрацией...

Сошлись на названии «Международный пресс-клуб» (МПК), и я сел за концепцию и план развития Клуба. Вопрос был мне хорошо знаком. Во-первых, с начала 90-х я организовал и провёл десятки пресс-мероприятий. Во-вторых, плотно работал с упомянутой «Москвой», действовавшей активно и профессионально в 1993–1995-м годах. Но в 1996-м году этот Пресс-клуб начал «сдуваться». Почему? Потому что организаторы ориентировались главным органом на спонсорские деньги. Но поток их сокращался, и структура ложилась на бок. Деятельность Клуба окончательно прекратилась после убийства совладельца «Рэдиссон-Славянской» американца Пола Тейтума. Его цинично, на глазах у большого количестве людей расстреляли в ноябре 1996-го из автомата в подземном переходе возле Киевского вокзала.

В случае с МПК мы сразу же ориентировались на создание коммерческой структуры в виде закрытого акционерного общества. Готовая концепция Международного пресс-клуба пошла «гулять» по кабинетам учредителей, среди которых значились Торгово-промышленная палата РФ, Союз журналистов России и сам ЦМТ. Амбиция заявлялась серьёзная: сделать МПК одним из самых известных и влиятельных в стране пресс-клубов.

– Штука хорошая, но можно ли это всё реализовать?! Вы готовы воплотить замысел, так сказать, в жизнь? – спросил меня Кисмерешкин.

– Готов.

– В качестве кого?

– В качестве генерального директора.

– Ну, ладно...

Далее стали обсуждать экономическую схему.

– Ясное дело, надо «сбрасываться», чтобы Клуб работал. Но потом он сам должен приносить прибыль, – сказал Кисмерешкин.

– Какую прибыль? – засомневался генеральный директор ЦМТ. – Хоть бы на зарплату себе заработали...

В итоге вот какую схему запустили. Центр международной торговли, на территории которого работал МПК, заинтересован в привлечении клиентов и их средств, но понимает при этом: чтобы достичь коммерческого эффекта, требуется проводить немалое количество вспомогательных некоммерческих акций, направленных на формирование репутации Центра, демонстрировать возможности ЦМТ перед VIP и другими актуальными аудиториями. И в это надо вкладывать деньги. Однако как узнать, работают ли эти деньги на прибыль или являются неким PR-мифом?

Нашли любопытную формулу: ЦМТ перечисляет МПК определённую сумму средств, а МПК – с кем бы и какие бы мероприятия в ЦМТ ни проводил – рассчитывается за них по ставкам Центра. МПК платит Центру международной торговли даже за занимаемый офис! Интерес ЦМТ при таком раскладе заключался в получении любых платежей. А интерес МПК – в получении прибыли за счёт собственных (интеллектуальных) PR-услуг. Когда через год подводились итоги, оказалось, что Пресс-клуб перевёл службам ЦМТ сумму в пять раз большую, чем получил от заказчика. И себе заработал: и на зарплату, и на аренду, и даже на корпоративные сувениры.

В сентябре 96-го МПК получил юридическую регистрацию. А 27-го ноября мы провели презентацию Клуба. В ней вместе с учредителями и мной, генеральным директором, принял участие вице-премьер правительства России Виталий Никитович Игнатенко, что свою позитивную роль сыграло. И понеслось...

В то время и лидеры партий, и министры, и депутаты, и губернаторы, и руководители компаний дорожили вниманием прессы. Поэтому на наши приглашения провести пресс-конференцию, круглый стол, деловой обед в большинстве случаев откликались. «Государственники» денег, разумеется, не платили, но, увидев информационный резонанс, другие субъекты рынка обращались к нам с просьбой сделать и для них нечто подобное. И вот в этом-то случае счета выставлялись.

Мы не просто проводили пресс-мероприятия – мы заявляли новые проекты. Например, анонс пресс-конференции лидера КПРФ Геннадия Зюганова на тему «Россия в 1997-м году: выбор судьбы» сопутствовал подзаголовок «Презентация проекта «Политические лидеры». Соответственно, пресс-конференция Владимира Жириновского подавалась так: «В рамках проекта «Политические лидеры» перед журналистами выступит...»

Или, скажем, приглашаем провести пресс-конференцию помощника Президента России Георгия Сатарова на тему: «Политический финал 1996-го года». В какой проект это вписать? «Окружение президента»!

А заместитель Председателя Правительства РФ по сельскому хозяйству Александр Заверюха выступал под шапкой «Презентация проекта «Клуб министров». Вместе с остро обозначенной темой (а «тупо» у нас никакие темы не обозначались) «Угроза продовольственной безопасности России: где выход?» пресс-конференция выглядела очень привлекательно.

Вскоре мы вышли за границы «простых» и перешли к сопровождению масштабных государственных и коммерческих проектов.

Борис. Меня могут убить

13-го ноября 1997-го я хотел проснуться чуть позже обычного, но не получилось: прибежала с кухни супруга и толкает меня: «Иди скорей и смотри телевизор – у вас там какие-то кошмары проходят». Я бегом к телевизору и слышу: убит Борис – генеральный директор ЦМТ. Ехал домой в машине с водителем и офицером милиции – охранником, возле дома из кустов вышли два человека с автоматами и расстреляли всех троих.

Борис и ЦМТ, как я уже писал, были в числе учредителей МПК. Я очень уважал Бориса и находил с ним полное понимание, мы часто встречались и обсуждали перспективы развития Центра международной торговли с участием Клуба. Иногда он просил пригласить в ЦМТ на клубный вечер симпатичных ему людей. Так, однажды к нам заглянули на огонёк народные артисты СССР, мхатовцы: Олег Ефремов и Олег Табаков. Посидели, поели-попили, порассказывали байки. Получилось, что называется, душевно.

Борис даже премировал меня акцией Центра, чтобы имелась личная заинтересованность в его развитии.

Однажды гендиректор поделился со мной: вскоре мы передаём часть наших объектов в управление сторонней организации; думаю, вы будете эффективно взаимодействовать с ней в области PR.

А пока немалую часть площадей ЦМТ отдали в аренду Руслану: мол, он лучше милиции разберётся с криминалом, который из Центра с трудом удавалось выдавливать.

И вот... Выстрелы, казалось бы, отзучавшие в начале 90-х, вновь прогремели совсем рядом.

Немного предыстории. В 1986-м Борис работал первым секретарём райкома партии одного из ключевых, центральных районов Москвы – Фрунзенского. И вместе со многими коллегами из других районов попал под ЕБНовскую раздачу: «Не потерплю! Снять!». Ну и сняли.

Борис не пропал, пошёл работать в Госкино. А в 1995-м про него вспомнил Станислав, который при первом партийном секретаре Борисе был первым во Фрунзенском райкоме комсомола. Потом секретарём московского горкома, а далее и ЦК ВЛКСМ. После перестройки, в 1991-м, занял пост президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Видно, хорошие впечатления сохранились у Станислава о совместной работе с Борисом, поэтому он и предложил ему в 1995-м должность генерального директора ЦМТ, учредителем которого Палата являлась.

После известия о смерти Бориса стали искать Станислава, чтобы провести пресс-конференцию и выдвинуть свою версию случившегося – в противном случае пришлось бы тратить силы на опровержение спонтанно родившихся версий, скорее всего, вредоносных. А Станислав в командировке! Пока вернулся, туда-сюда, составили общего плана заявление:

– ... 12-го ноября с.г. убит генеральный директор ОАО «Совинцентр». Это страшное известие до глубины души потрясло всех сотрудников Центра международной торговли, его многочисленных друзей и знакомых...

Бориса отличали организаторский талант, острый аналитический ум, глубокое понимание ситуации. С его именем связаны реальные перемены и прогрессивные преобразования в ЦМТ...

В эту нелегкую минуту, скорбя о погибших, мы требуем от правоохранительных органов найти и сурово покарать преступников...

14-го ноября прилетел Станислав, пресс-конференция состоялась. И Станислав, и исполняющий обязанности гендиректора ЦМТ выглядели очень подавленными, но сформированную версию до прессы довести сумели. У версии была первая часть:

— ...Мы убеждены, что за этим жестоким убийством стоят интересы организованной преступности, всегда проявлявшей интерес к «Совинцентру» и пытающейся любыми способами помешать происходящим позитивным переменам в Центре, его переходу к новой экономической модели развития.

В этот трудный час Торгово-промышленная палата РФ заявляет, что стратегическая линия на развитие в России цивилизованного предпринимательства, которую проводит ТПП и осуществлял в своей деятельности Борис, остается неизменной...

И часть вторая, главная. Она состояла в том, что в существующей собственной системе управления гостиничным комплексом ЦМТ «Международная-1» и «Международная-2» содержались элементы криминала. Чтобы от них избавиться, руководство признало целесообразным войти в одну из международных гостиничных сетей, то есть привлечь стороннее управление. Этим и занимался Борис. Но нашлись противники...

Провёл свою пресс-конференцию и Руслан. Проинформировал прессу о том, что вместе с Борисом боролся с криминалом в ЦМТ. Что бандиты бросили в его подмосковный дом гранату, которая разнесла полздания. Что скорбит...

Борис словно предчувствовал. Незадолго до гибели он говорил жене: «Ты знаешь, меня могут убить».

А что же следствие? Результатов нет до сих пор. А что же с «передачей в управление»? В 2007-м году гостиничный комплекс вошёл в международную гостиничную сеть Crowne Plaza...

ПОХОЖИЕ ПЕРСОНАЖИ

ЕБН. Ельцин Борис Николаевич – Президент Российской Федерации в 1991–1999 годах.

ДЖОХАР. Дудаев Джохар Мусаевич – чеченский политический деятель, лидер движения 1990-х годов за отделение Чечни от России, первый президент самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996 гг.). Убит в апреле 1996-го года авиационной ракетой в результате операции российских спецслужб.

ЗВИАД. Гамсахурдия Звиад Константинович – первый президент Грузии (1991–1992 гг.). Свергнут в результате военного переворота. Погиб при невыясненных обстоятельствах в декабре 1993-го года.

ЭДУАРД. Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич – последний министр иностранных дел СССР и министр внешних сношений СССР. Президент Грузии (1995–2003 гг.).

АНДРЕЙ. Котенко Андрей – выпускник Литературного института им. А.М. Горького, анархист, участник ИРЕАН – Инициативы революционных анархистов.

ВОЛОДЯ. Башкиров Владимир Леонидович – мастер спорта СССР международного класса по альпинизму. Покорил восемь из 14 гималайских восьмитысячников, в том числе дважды покорил Эверест. Умер от остановки сердца при спуске с восьмитысячника Лхоцзе в мае 1997-го года.

АНЖЕЛА. Веретнова Анжела – писатель, мать, жена, домохозяйка. Жила в Монголии, Китае, Югославии, Великобритании, сейчас – в Германии.

ЭДУАРД. Глава региона. Е. и Н. Т. – города региона.

ВСЕНАРОДНО ИЗБРАННЫЙ. Это тот, кого избирают всенародно. К. – обеспечивающий безопасность Всенародно Избранного. Н.И. – супруга Всенародно Избранного.

БОРИС. Грязнов Борис Александрович – в 1995–1997-х годах генеральный директор Центра международной торговли на Краснопресненской набережной в Москве.

СТАНИСЛАВ. Смирнов Станислав Алексеевич – в 1991–2001-х годах президент Торгово-промышленной палаты России.

РУСЛАН. Байсаров Руслан Сулимович – бизнесмен чеченского происхождения.